

Юлия Рябинина

Я (не) прощу тебя. Измена мужа

<https://litres.ru/74212977>

Аннотация

Бууум! Резкий звук. Вздрагиваю...и отвожу взгляд от обнаженной девушки, которая лежит в нашей с мужем кровати. Поворачиваюсь в сторону звука. В дверном проеме с полотенцем вокруг бедер, стоит муж. – Игнат, что это значит? Сдавленный голос срывается почти на шепот. – Именно то, о чем ты думаешь. Я хочу развод, – будто гром среди ясного неба звучат слова мужа.

♥#Вышла новинка: Измена.Вторая жена Ищим у автора в профиле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1

Дерзкие солнечные лучи нагло пощипывали гладкую кожу бедра. Путались в светлых прядях волос, красиво рассыпанных по подушке. Оглаживали плоский живот, выглядывающую из-под ткани упругую грудь...

Бу-у-ум! Вздрагиваю и, наконец-то, отвожу взгляд от созерцания совершенно обнаженной девушки, которая лежит в нашей с мужем кровати, поворачиваюсь в сторону звука. В дверном проеме стоит полуобнаженный муж.

– Игнат, что это значит?

Сдавленный голос срывается почти на шепот.

– Именно то, о чем ты думаешь.

Муж усмехается. Останавливается в нескольких шагах передо мной и, не отрывая взгляда от моих глаз, говорит медленно, чеканя каждое слово:

– Ты думала, тебе удастся меня и дальше дурачить? Думала, я ничего не узнаю? Но ты ошиблась, дорогая. Мир не без добрых людей. И рано или поздно правда все равно всплыла бы, – Игнат порывисто приближается ко мне. Хватает за плечи. Сжимает кости в кулаках. – Зачем? Зачем ты так со мной?

И смотрит мне прямо в глаза. А я стою перед ним, не дыша. А он все смотрит, смотрит. Черные колодцы бездонных глаз, кажется, прожигают мне самую душу.

– Я... Я не понимаю, о чем ты говоришь, Игнат?! Не понимаю?!

Судорожно глотаю слова.

И я вижу, как в его глазах что-то дрогнуло. Что-то такое... Недоброе. Затаенное. Темное. И, словно очнувшись от какого-то сна, он отдергивает от меня руки.

Выпускает.

– Уходи. Вещи потом заберешь. Не хочу, чтобы такая, как ты, лгунья находилась в моем доме.

– Дорогой, что тут происходит?

Меня оглушает мелодичный, женский голос, раздавшийся за спиной Игната. Муж отступает в сторону, и у меня от потрясения перехватывает дыхание.

Короткий вдох-выдох:

– Дорогой?! – переспрашиваю беззвучно.

Девушка, которая только что спала, уже стоит в полный рост. Без стеснения демонстрирует свое совершенное тело. Я сглатываю тугой комок, застрявший в горле.

Это какой-то сон?! Неправда?! Я не могу поверить во все происходящее.

– Игнат, ответь! Что это? Ты с ней спишь? Ты мне изменяешь?

– Ох, – вдруг вскидывает руки девушка и, подхватывая покрывало, заворачивается в него. – Это твоя жена?! – широко распахнув глаза, искусно изображая смущение, произносит девушка, но по ее надменному взгляду сразу становится

ся ясно, что ее ничуть не трогает то обстоятельство, что я застала их.

– Захлопнись, – одергивает любовницу муж и устремляется ко мне.

Пальцы жестко сжимают мой локоть. Игнат толкает меня к выходу и в этот момент:

– Папа! Мама! Вы где? – со стороны лестницы доносится звонкий голосок дочери.

Кожа покрывается холодным потом. Взгляд черной пеленой подергивает злоба.

– Как ты мог? За что? – выдыхаю.

Свободной рукой, сжимающей белый конверт, в котором лежит снимок с нашим, еще совсем крошечным, ребенком, смахиваю слезы:

– Не устраивай истерик. Не пугай ребенка, – рычит Игнат и выталкивает меня в коридор, сам выходит за мной.

Кирочка появляется на горизонте как раз в тот момент, когда дверь в нашу спальню закрывается за спиной мужа.

– Папа! Папа! – дочка, раскинув ручки, бежит к нам с блестящими радостью глазами.

А я закусываю губу, чтобы не разревется, Кира так скучала по отцу. Каждый день на протяжении целой недели незапланированного отпуска, все разговоры были только о папе. А он... Он банально нас сплавил, чтобы мы ему не мешали развлекаться с молоденькой любовницей?! У меня не было слов! Только эмоции, уродующие мою психику.

– Послушай, – резко прижимает меня к себе Игнат. – Забери ребенка и спускайся вниз. Я оденусь и спущусь, – рычит.

И, прежде чем Кира успевает подбежать к нам вплотную, он толкает меня навстречу дочери. Грудь сжимает обручем боль. Что происходит? Я ничего не понимаю!

Я делаю несколько шагов и перехватываю Киру до того, как она подбежит к отцу. Кира, остановившись в недоумении, смотрит то на меня, то на Игната. Хлопает длинными, рыжими ресничками.

– Обнимай маму, милая. Папе нужно переодеться. Он испачкался.

– Да, малыш... – Игнат проглатывает окончание. – Кира, побудь с мамой. Я скоро спущусь.

Голос Игната жесткий. Холодный.

Бросаю на него через плечо короткий взгляд. В глазах мужа нет ничего, кроме пугающей пустоты и отстраненности. Отворачиваюсь. Поднимаю Киру на руки. Дочка обнимает меня за шею.

– Мам, а почему папа такой злой?

– Не знаю, милая. Надеюсь, он спустится и все объяснит. А пока давай приготовим что-нибудь покушать.

– Ладно. Давай.

Голос дочки меняется. Он уже не такой звонкий, и в глазах огонек погас. Конечно, малышка сразу уловила настроение отца. Детей не обманешь. Вот только мне это облегчения

не принесло. Пока спускалась вниз, все искала в себе ответ на вопрос о том, что я делаю? Почему я так поступаю? Разве я не должна оставить Киру внизу, вернуться назад и выдрать этой девице клочок волос за то, что она посмела посягнуть на моего мужа? На мою семейную жизнь? На мой очаг, в конце концов?!

Но нет. Я поняла, что не могла так поступить. Что-то меня сдерживало. Что-то не давало пойти на такой безрассудный шаг. Хотя, с каждым шагом, с каждой секундой я всё больше убеждалась в том, что не должна вот так просто отступить! И как бы Игнат себя сейчас не вел, это все воздействие этой девицы. Я уверена. Я не могу поверить в то, что муж так быстро мог разлюбить меня. Дочку. А как же моя беременность?

– Ксения?! Ты зачем подняла Киру? Тебе же врачи ясно дали понять, что ты должна побережься. А где Игнат?

Мама оказывается возле меня в тот миг, когда я спускаюсь с последней ступеньки. Сжимаю челюсть. Еле сдерживаюсь, чтобы не расплакаться перед родительницей. Мама тут же забирает у меня Киру и внимательно смотрит мне в лицо.

– Что случилось? Почему у тебя глаза на мокром месте?

От внимательного материнского взгляда не ускользнули произошедшие перемены.

– Ой, мам! – всхлипнув, я побежала на кухню, оставив ее стоять с Кирой на руках в недоумении.

– Ксюша!

Следом за мной на кухню заходит и мама.

Я же... А я не знаю, что делать?! Как себя вести в подобной ситуации. Что сказать матери, как объяснить произошедшее? Это же стыд. От мысли о том, что придется объясняться с родительницей, волосы на голове шевелятся. Эмоции бурлят в груди, то сжимая сердце в комок, то распирая его до нереальных размеров. Мне плохо. Кажется, что нутро вот-вот наизнанку может вывернуть, но впасть в истерику мне не позволяет цепкий взгляд зеленых глаз Киры. Дочка смотрит на меня с такой обеспокоенностью, что комок в горле застревает, мешая продохнуть.

– Подожди. Сейчас, – отвечаю матери, подняв руку вверх и схватив стакан, стоявший возле мойки. Наливаю воду из-под крана и залпом выпиваю все содержимое.

– Что происходит, Ксения?! Я ничего не понимаю. Скажи, что случилось?

– Я больше не желаю жить с женщиной, которая меня обманывает. Я подаю на развод, – как гром среди ясного неба раздается голос мужа от двери.

– Боже! – выдохнула мама.

А я почувствовала, как у меня все закрутилось перед глазами. Взгляд поплыл, затягиваясь плотной пеленой. Дыхание перехватило, и я начала задыхаться.

– Ксюша! – до моего ускользающего сознания донесся тревожный голос мамы.

– Мамочка! – захныкала где-то рядом дочка.

Бух... Раздался глухой удар затылком обо что-то металлическое, и я теряю сознание.

Резкий запах нашатыря вгрызается в легкие. Задышавшись, с трудом открываю глаза.

– М-м-м, – преодолевая бессилие, поднимаю руку ко лбу.
– Что случилось?

Разлепила веки и, шурясь, заозиралась по сторонам.

– Боже! Ксения! Слава святым, ты пришла в себя.

В затылке отдалось глухой болью, когда мама обняла меня за плечи, прижала к себе.

Кажется, я ударилась головой о ручку. По крайней мере, так мне подсказывает тупая пульсирующая боль и шишка, которая ясно чувствовалась под пальцами.

– Мама, а где Кира? – дрожащим от тревоги голосом спрашиваю родительницу.

– Она в своей комнате, – отводит мать глаза.

– С Игнатом? – с надеждой в голосе произношу.

И вдруг призрачной искоркой в моей груди, зажигается вера в то, что мне все приснилось. Голая девка в нашей спальне, слова о разводе и о том, что Игнат не хочет больше видеть нас с Кирой из-за какого-то обмана.

– Да, – сухо ответила мама.

– Ох, мама, – на глазах выступили слезы облегчения. – Мне такое приснилось, что и врагу не пожелаешь. Представляешь, – зашептала я, освобождаясь из объятий матери, потому не сразу заметила горящие гневом глаза, – приснилось,

что у Игната любовница, и он со мной хочет развестись. Помню, в соннике читала, что если муж во сне изменяет, значит, верен...

– Это не сон, – обрубают мать грубо.

Резко поворачиваюсь к ней.

– Нет, – отрицательно качая головой, болезненно выдыхаю.

– Этот кобель и правда тебе изменяет, Ксения. А с Кирой он в комнату ушел, чтобы игрушки ей собрать и вещи... – шипит мама.

– Что?! Что ты говоришь такое, мам...

Поднимаюсь слишком резко. Голова тут же идет кругом. В глазах темнеет. Хватаюсь руками за воздух.

– Ксения, – охает мама.

Но мне удастся удержаться на ногах, а через мгновение зрение возвращается и в голове проясняется. Бросаюсь к двери, но уже на выходе налетаю на Игната. Врезаюсь в его каменную грудь со всего маху, и если бы не его крепкие руки, то обязательно упала бы. На мгновение наши взгляды пересекаются. В темных глазах мужа мелькает беспокойство, но его молниеносно сменяет безразличие. Он отталкивает меня.

– Будь аккуратнее, – сухо чеканит слова.

У меня же аж сердце в груди ссохлось, превратившись в морщинистый инжир. Нет. Этот человек совершенно не похож на моего мужа. Этот черствый сухарь хоть внешне и

схож с Игнатом, но внутри... Он пуст. Бездушен.

– Игнат. Любимый. Скажи, что происходит? Что с тобой происходит? Я... Я не могу поверить, что это все случилось с нами. Я тебя люблю, Игнат...

Кладу ладони на грудь мужа. Сжимаю рубашку в кулак. Заглядываю в глаза, пытаюсь найти там хотя бы что-то отдаленно напоминающее сочувствие, на любовь я и не надеюсь.

– Хватит скулить, – раздраженно откидывает мои руки Игнат. Делает шаг назад, тем самым ещё больше увеличивая расстояние между нами. – Забирай Киру и уходи.

Отчаяние горьким комом застревает в горле. Уходить!?! Он меня выгоняет вместе с дочкой?! Муж точно не в себе.

– И куда ты их гонишь? – резко, с нажимом звучит голос мамы за моей спиной.

– Папа, но я не хочу уходить, – Кирочка, до этого стоявшая молча, вдруг кидается к отцу, обнимает его за ногу. – Не прогоняй нас. Нам без тебя будет плохо...

Голос дочки такой умоляющий, что мне становится не по себе. Грудь разрывают рвущиеся наружу слезы.

– Кирочка, – кидаюсь на колени перед мужем для того, чтобы отнять дочку от отца.

– Забери ребенка, Ксения, – режет слух громкий голос матери. – Хватит унижаться. Пошли.

Мне на плечо ложится тяжелая рука. Мама сжимает мне плечо. Я поднимаю взгляд на мужа. И он... не отводит глаза. Смотрит на меня, как на пустое место. Холодный. Чужой.

– Игнат, – хрипло, с придыханием срывается с губ, а Кира в порыве отчаяния жметесь ко мне, дрожит.

– Уходи, – не вслух, одним губами произносит муж.

Медленно, будто во сне, встаю на ноги.

Открываю рот, чтобы сказать три заветных слова, но неожиданно боковым взглядом цепляюсь за девушку, которая, опершись узким плечиком о стену, смотрит на меня победоносным взглядом. Стерва.

Все тело будто превратилось в камень. Напряглось. Поджимаю губы. Упрямо смотрю ей в глаза. И больше, не обращая внимания на боль в сердце, поднимаю Киру на руки, направляюсь вслед за матерью.

Дочка сжимает мою шею крепко. И я вдруг четко осознаю, что все, что происходит сейчас – это только начало. Расправляю плечи. Сглатываю слезы отчаяния, подступающие к горлу, и твердо шагаю вперед. Пусть сегодня я отступлю, но завтра... Завтра я буду сильнее и завтра... Игнату придется дать мне ответ за обиду, которую причинил не только мне, но и нашей дочери.

Глава 2

– Ты... Ты патологический кретин! Да как таких, как ты, земля только носит?!

Кричит мама так громко, что мне даже в машине слышен ее голос.

– Сукин сын!

Ее голос звенит у меня в ушах. В этом вся она. Громкая. Прямолинейная. И совсем без комплексов. Игнату всегда было неловко за маму, если нам приходилось куда-то выйти с ней «в светское общество». Я же то ли привыкла к ней, то ли не замечала ее этого качества и постоянно отшучивалась. Но сейчас, в данный момент, я, наконец-то, поняла, что имел в виду муж. Он просто стыдился ее. Стыдился нас.

– Мама! – окликнула родительницу, не выдержав ее криков. – Оставь его! Пусть развлекается.

Бросила короткий взгляд на входную дверь, где стоит Игнат, тут же отступила и снова заняла водительское место.

– Ну, уж нет. Пусть все соседи знают, какой он ловелас! Выставил жену с ребенком на улицу без копейки! Бессовестное животное!

– Если вы сейчас не уйдете с принадлежащей мне территории, я вызову охрану... Считаю до трех. Раз...

– Что? Ты нам еще и угрожать вздумал?!

– Два...

– Ты не посмеешь этого сделать! – возмущается мать.

– Мама! Я тебя умоляю, сядь в машину. Мама!

– Три...

– Чертов козел! – не удерживается мать от очередного ругательства, когда видит, как муж достает телефон. – Ничего-ничего, – приговаривает мама, забираясь в автомобиль, – он еще в ногах у тебя будет валяться и просить прощения за свой поступок.

– Мама, хватит. Не пугай Киру. Я тебя прошу, – уговариваю мать, выезжая с приусадебной территории.

Глубоко вдыхая через нос, мать медленно выдыхает. Еще раз и еще. До тех пор, пока окончательно не успокаивается.

– Ксения, я требую ответа, – поворачивается ко мне мама, спустя некоторое время.

Я же, сосредоточившись на дороге, молчу.

– Ксения! Я обязана знать, что произошло? Что случилось? – продолжает требовать ответа мама.

В это время мы подъезжаем к шлагбауму. Он закрыт. Уже в этот момент я почувствовала что-то неладное, так как шлагбаум на въезде в наш поселок очень редко опущен. Но не проходит и минуты, когда к нам выходит охранник. Сердце предательски екает в груди, давление подскакивает, отдаваясь пульсацией в висках.

– Здравствуйте, Ксения Михайловна?! – то ли спрашивает, то ли утверждает охранник не понять, и я просто киваю в ответ. – Игнат Григорьевич звонил, сказал, чтобы вы про-

пуск у меня оставили.

– Что? Еще раз повторите?! Мне кажется, я вас неправильно поняла!

У меня на голове волосы дыбом встали. Кажется, что от пережитого, у меня начались слуховые галлюцинации.

– Пропуск вам нужно мне отдать. Так сказал Игнат Григорьевич.

– Передайте своему Игнату Григорьевичу, чтобы шел он лесом!

Первой пришла в себя мама и тут же ошетинилась, защищаясь так, как может.

– Извините, но это вы с Игнатом Георгиевичем выясняйте отношения. А мне что приказано, то я и выполняю.

Сигнал, раздавшийся сзади, вынуждает нас перейти от препирательств к действию. Достаю пластиковую карту, протягиваю охраннику.

– Спасибо. Счастливого пути, – натягивая официальную улыбку, выдает мужчина дежурную фразу.

Нажимаю педаль газа. Трогаюсь с места, но теряюсь, не зная, куда ехать. Торможу у обочины и, вцепившись в руль ледяными пальцами, устремляю взгляд вперед. Ничего не вижу. Ничего не слышу. Эмоции, закручивающиеся все это время в спираль, вдруг вырываются наружу и начинают крутиться все быстрее и быстрее. А я... я сижу, вцепившись в руль, и пытаюсь понять, что... что со мной происходит? Что происходит с моей жизнью?! И как дальше вести себя в

этом мире, где, казалось бы, такой крепкий, привычный мир неожиданно рушится, как карточный домик. Оставляет меня без всего! Полностью «раздетой», «пустой» перед пастью огромного монстра, имя которому «обычная жизнь». Простая. Та, в которой я жила до встречи с Игнатом. Та, в которой я работала обычным курьером в одной из крупнейших корпораций нашей столицы. Та, где снимала жилье с двумя девочками-студентками из своего же городка. Та, в которой я мечтала о принце на белом мустанге и о красивой жизни, но это были всего лишь мечты, а реальность была иной... Суровой. Жестокой.

Но кто бы знал, что нелепая случайность окажется для меня пропускным билетом в новую жизнь. В ту, где есть деньги, влияние, власть, шикарные дома, машины. Я знала, что эта жизнь не для меня. Я в мире богатых и неприлично богатых чужая, не своя. Но Игнат своим вниманием, своей любовью заставил думать меня иначе. Заставил посмотреть на мир под другим углом, и я... Я поверила ему. Поверила в то, что и таким обычным девчонкам, как я, найдется местечко среди роскоши и изысканности, присущих конкретному кругу людей. Но...

Я ошиблась. Ошиблась так сильно, что теперь кажется, будто я стою на краю огромной пропасти опустошенная, разбитая, раздавленная. И все потому, что поверила... Поверила тому, кто обещал быть со мной и в горести, и в радости. Кто обещал любить и заботиться обо мне, несмотря ни на

что. Кто клялся в верности и преданности. Но, видимо, это были всего лишь слова...

Жгучая боль ранит сердце острыми шипами. Закрываю глаза и судорожно вздыхаю. Главное – не плакать, – одергиваю себя. – Главное – не подавать вида, что мне больно.

Я не могу раскиснуть на глазах дочери и матери. Мне нужно быть сильной. Нужно быть стойкой, потому что о нас больше никому позаботиться. Мы теперь одни.

– Ксюша, – прорывается голос матери сквозь толщу мыслей в голове.

Скосила в ее сторону глаза.

– Ксюша, не молчи. Поговори со мной. Я же вижу, что тебе нужно выговориться. Я готова. Правда!? – поспешно кивает мать.

Но мне вдруг в голову приходит неожиданное решение того, как можно поправить ситуацию. Я так обрадовалась этой мысли, что не смогла сдержать улыбку.

– Боже! Боже! Боже! Спасибо тебе, спасибо тебе, что помогаешь!

– Ксения?! Что происходит?

Заерзав на сиденье, забеспокоилась мама, когда я, вырвав с обочины, выехала на дорогу, притопила педаль газа.

– Мне кажется, я знаю, кто может нам помочь, – с улыбкой на губах ответила я маме.

– Мама, давай поедem к папе. Я по нему соскучилась, – прижимая к щеке медвежонка, хнычет дочка. Она так рас-

строена происходящим, что, глядя на нее, мое сердце кровью обливается. Ну, Игнат, ну, погоди! Ты у меня еще получишь.

– Так куда ты нас везешь? – не унимается мама.

– К Гурьевым, мама. Уж, Григорий Владимирович сумеет за нас заступиться. Киру и меня он в обиду не даст!

– А эта стерва – Лиля?! Свекровь твоя?! Она же ненавидит тебя с той самой минуты, как только ты ступила на порог их дома.

– Мама, не нагнетай. Какой бы не была Лилия Сергеевна, родную внучку в обиду она не даст. Я в этом уверена.

Ставлю твердую точку в своих убеждениях.

– А я – нет. Она хитрая, как лисица. Обведет вокруг пальца, и не заметишь, – причитает родительница, сея в моей душе зёрно сомнения.

Хмурые взгляды, которыми нас встретили родителей Игната, меня смутили. Я оглянулась на мать, прежде чем переступить порог их дома. Та, иронично вздернув брови, (мол, я же говорила) поджала губы.

– Лилия Сергеевна, у нас беда, – ничего лучше не придумала, как выложить с порога всю правду.

– Стоп, – подняла руку свекровь, – Григорий, проводи Киру и Веру Алексеевну в столовую. Угости их чем-нибудь вкусненьким. Вы же с дороги, я правильно понимаю?

– Да, – кивнула, у самой же на душе кошки заскребли от дурного предчувствия.

– Гриш, позаботься, а ты идём со мной, – манит меня

пальцем.

Только порываюсь пойти за свекровью, как мама, вцепившись мне в ладонь, одергивает.

– Не доверяю я ей. Не говори о своей беременности, – шипит на ухо. Отпускает.

Свекровь делает вид, что не замечает наших с мамой перешептываний. Делая надменный вид, кивает мне в сторону кабинета. И пропускает первой.

– Столько лет уже живешь в приличной семье, а твоя мать как была неотесанной плебейкой, такой и осталась. Что с ней? Ведет себя как обезьяна, честное слово. Смотреть противно?! – ворчит свекровь, а у меня аж дыхание в зобу спирает от ее хамского высказывания.

До сегодняшнего дня свекровь подобных выражений себе не позволяла, хоть и с заметным пренебрежением относилась не только к маме, но и ко мне. Значит, дела действительно паршивые, и женщина явно была не настроена на то, чтобы помочь нам с Игнатом разобраться.

– Лилия Сергеевна... – отойдя от шока первых секунд, я решаю, что должна одернуть свекровь за несправедливое отношение к маме.

– Ой, только не надо оправдывать ее, Ксения. Я твою мать сразу раскусила и поняла. Такие, как она, никогда не приживутся в высшем обществе. Как бы ни старались. Но давай не будем о ней, я думаю, тебе важнее узнать что-то другое?

Свекровь с лукавой ухмылкой и откровенной хитринкой

вглядывается мне в лицо, ждет реакции. Но я молчу. Пытаюсь переварить услышанное. И найти достойный ответ...

– Говори, Ксения, не стесняйся... – допытывается свекровь.

– Э-м, Лилия Сергеевна, вы все не так поняли, – женщина умело переключается на другую тему, манипулируя моим замешательством, пытается поставить в двоякое положение.

– Да?! А мне кажется, тут все довольно прозрачно и однозначно. Вот взгляни сюда...

Лилия Сергеевна в одно мгновение оказывается за моей спиной, подталкивает к письменному столу из красного, мореного дуба. Семейка Гурьевых помешана на роскоши. Мне кажется, что у свекрови каждая вещь имеет цену. И могу с уверенностью сказать, что самая дешевая в их доме имеет шестизначную цифру.

– Что это? – смотрю на белый конверт, с красной печатью на лицевой стороне.

– Ну так достань, посмотри, – цинично улыбается женщина.

По позвоночнику бегут мурашки. Расползаются по голове. Я заранее предчувствую, что мне не понравится содержимое этого конверта. И стоит только поднести конверт ближе к лицу, как можно разобрать мелкие напечатанные буквы.

«Независимая региональная генетическая экспертиза». Не сразу понимаю, о чем идет речь, но ясно одно – Лилия Сергеевна мне не помощник. Это уж точно. Задубевшими от

волнения пальцами открываю конверт и достаю один-единственный лист формата А4.

Пробегаю глазами один раз. Зацепившись взглядом за надпись красными чернилами, которая в глаза бросается первой «Отцовство практически невозможно».

Ничего не поняв из этого первый раз, читаю еще и еще. До того момента, пока глазам становится больно, а сердце трепыхается в груди так, что вот-вот пробьет огромную дыру и выскочит наружу. Отрываю взгляд от белоснежного листа:

– Что все это значит? – срывающимся от волнения голосом спрашиваю.

– А вот это я хотела бы узнать от тебя, дорогая моя сношенька?!

– Вы это показывали Игнату, так? Из-за этого он меня выгнал с Кирой из дома?

Все вдруг становится на свои места, когда свекровь, расправляя плечи, смотрит на меня сверху вниз. Ни разу не скрывая того, что она как-то причастна к нашей с Игнатом ссоре.

– Конечно. А что я, по-твоему, должна была делать? Скрыть от него правду?

– Но это все ложь! – уже кричу, сминая в пальцах лживую бумажку. Откидываю в сторону. – Игнат – отец Киры. Это правда.

Свекровь кривится в презрительной усмешке:

– А вот документы показывают другое. И я склонна верить им. И даже Игнат в них поверил, а это значит, что он тоже подозревал что-то неладное...

– Замолчите! Вы говорите чушь! Это чушь! – кричу.

– Ах, ты, неблагодарная дрянь, как ты смеешь в таком тоне со мной разговаривать?! Я тебя вымыла. Вычесала. Привела в надлежащий вид. В люди, можно сказать, вывела и вот, пожалуйста. Вот так ты отвечаешь мне на добро?! Изменой моему сыну и правом повышать на меня голос?! Я не позволю!

– Нет, Лилия Сергеевна – это я не позволю. Не позволю вам разрушать нашу семью. Теперь понятно откуда ноги растут. Вы это специально сделали? Подделали анализы теста? Кто вам вообще разрешил его делать? Кто?!

– Мне не нужно ничье разрешение, Ксения. Я тебя заподозрила с самого начала, как только мой Игнатушка тебя притащил, как подобранного с улицы щенка домой. Пожалел и подобрал. А ты решила ему голову вскружить? В постель затащила, а сама уже была беременна. Я тебя сразу вычислила. Но не думала, что ты настолько подлая, что повесишь чужого ребенка на моего Игната. Поэтому и решила проверить тебя. И оказалась права. Во всем права.

– А чего же вы так долго ждали? А? Почему сразу не сделали тест?

Мой разум все еще отказывается верить в происходящее. Это какой-то вселенский ужас!? Это не может происходить

со мной?!

– Хотела, но тогда бы Игнат мне не поверил. Был под твоим тотальным влиянием...

Произносит со злобой в голосе.

– А сейчас что-то изменилось?

– Конечно. Ложь постепенно отравила ваши отношения и вылезла наружу. Игнат к тебе охладел...

– И вы решили воспользоваться этим моментов? – перебиваю ее.

– Всенепременно, дорогая. Ведь Игнат – мой сын, а ты мне никто?! – банально просто отвечает.

– А кто тогда вам Кира? Она же ваша внучка. Единственная.

– Нет, дорогая, у Киры есть, видимо, другая бабушка и другой дедушка. Подстать вашему статусу.

– Лилия Сергеевна, – вскидываю руки.

– Не нужно истерик устраивать, Ксения. Лучше по-хорошему давай разойдемся. Зачем этот скандал?

– По-хорошему? – злость будоражит кровь. Я, как разъяренный бык, взираю из-под ресниц на женщину. – Не получится. И я найду способ сделать вам как можно больнее.

Больше не задерживаясь в кабинете ни на секунду, я вылетела в коридор пулей и тут же направилась в кухню за Кирой и мамой.

Я вся горю от злости. Кожа пылает огнем, опалая мои внутренности.

– Ксень...

– Не надо, мам. Не сейчас, – прерываю родительницу, которая предпринимает очередную попытку заговорить со мной.

– Ксения, я же вижу, что тебе плохо. Не держи все в себе. Выговорись.

Лишь на секунду отвожу взгляд с дороги, чтобы наградить мать суровым взглядом.

– Мне нормально, мам. Знаешь, правда делает сильнее, отрезвляет не хуже ледяного душа. Даже дышать как-то легче стало, – картинно шумно вдыхаю через нос и так же шумно выдыхаю.

– Ксюш, – мать кладет ладонь на предплечье, сжимает. Срываюсь.

– Я просто в шоке. Ты понимаешь!?! Мой мозг отказывается переваривать этот абсурд. Но самое главное, и что обиднее всего, – губы искривляются в ироничной ухмылке, – то, что в это поверил Игнат! Он той бумажке, которая лежала в конверте, поверил, а не мне. Неужели его любовь исчезла в один миг?! – шиплю.

Глянув в зеркала заднего вида и убедившись, что Кира уснула, продолжаю:

– Я сейчас отвезу вас с Кирой в гостиницу, а сама поеду к Игнату. Я ему все должна объяснить. Даже если мы разругаемся, я все равно должна попробовать, чтобы потом не оглядываться назад. Ой, – встrepенулась. – Мам, а ты результаты

обследования куда дела? Хочу лично сообщить этому доверчивому придурку о том, что у нас будет ребенок. Посмотрим, как он в этом случае попытается отвертеться.

Мама после моих слов меняется в лице. Взгляд становится сосредоточенным, а на лбу появляются глубокие морщинки.

– Святые угодники! Ксюша! – вскрикивает она и тут же накрывает рот ладонью, оглядывается на Киру. – Мне кажется, они остались лежать на кухне, на полу.

– Плохо, – бормочу под нос.

Копию обследования я само собой не делала. Не думала, что может понадобиться. А надежды на то, что конверт уцелел, у меня тоже не было. Как только мама сказала, что он остался в доме, тут же в голове проскользнула мысль о том, что документ, скорее всего, уже сожжен той, которая пытается занять мое место. Глупая стерва, она думает, что уже победила... Но зря. И даже, если Игнат со мной разведется, пусть не надеется на то, что она с ним останется.

Торможу возле обочины напротив отеля.

– Мам, ты пока побудь в машине. Пойду, узнаю, есть здесь свободные места?!

– Может, через интернет найдем гостиницу?

– Мам, мы все равно уже здесь. Подожди немного, – отмахиваясь от родительницы, направляюсь к тяжелым, деревянным дверям.

Дверь открывается легко и без скрипа.

– Добрый вечер, могу я вам помочь? – передо мной воз-

никает опрятно одетая девушка в черно-белой форме, с забранными на затылке волосами.

– Да. Мне нужен номер на двоих. У вас есть свободные места?

– Кажется, были, – кивнула девушка, и не преминула меня окинуть оценивающим взглядом. Но могла и не стараться. Я была одета в дорогие вещи. Игнат всегда заботился о том, чтобы в моем гардеробе были только брендовые вещи и желательно из последних коллекций от ведущих кутюрье. Денег на это не жалел. Я, вообще-то, и не отказывалась. Драгоценности. Шубы. Машина. Все есть. Только, как оказалось, самого главного не было. Любви. Именно она оказалась фальшивкой.

– Три с половиной тысячи сутки. Устроит? Двухместный номер на втором этаже. Окна выходят на проспект...

– Да, отлично, – вынырнув из своих мыслей, возвращаюсь в реальность. – Только еще забыла сказать, у нас ребенок. Пять лет...

Девушка-администратор сужает глаза.

– С детьми номера будут стоять дороже. От пяти с половиной.

– Ого...

– Да, вы понимаете, на одного ребенка уходит больше затрат, чем на одного взрослого человека...

– Я поняла, – прерываю тираду девушки. Даю себе секунду на обдумывание и выдаю:

– Оформите нас пока на двое суток. Пока будем разбираться с жильем. Если что, продлить можно?!

– Да. Конечно. Мне понадобится ваш паспорт. Документы ребенка и ...

– Второй взрослый – моя мама.

– Простите, но правила для всех одинаковы, – вещает с невозмутимым лицом девушка.

– Хорошо. Тогда подождите минутку. Сейчас вернусь.

Через несколько минут спустя, я возвращаюсь со всеми документами, матерью, Кирой, которая никак не могла проснуться и дремала у мамы на коленях, с двумя дорожными сумками и чемоданом. Скарб не так уж и велик, а еще, что удручало больше всего, там не было ценных вещей. Все осталось дома.

– Платить будете наличными? Картой?

– Картой, – отвечаю без запинки.

Сейчас начало месяца. Игнат только на прошлой неделе мне ее пополнил, как раз аккурат перед тем, как мы уехали в санаторий.

– Прикладывайте к терминалу, – предлагает девушка, и через несколько секунд на экране появляется сумма за номер.

Провожу картой. Терминал издает характерный звук.

– Запрос отправлен, – комментирует администратор, не сводя с экрана глаз. – Немножко подождем... Иногда бывают заминки.

Но ее речь прерывает резкий писк.

– Отказ. Пишет, что карта заблокирована. – поджимает девушка губы. – Давайте попробуем еще раз?!

И снова повторяем то же самое. И снова отказ.

– Хм, не понимаю, что происходит? Я только недавно ей расплачивалась в магазине, – растерянно оглядываюсь на маму.

– Что-то случилось? – тут же встrepенулась она.

– Не знаю, – пожимаю плечами.

– Девушка, к сожалению, карта заблокирована. У вас есть мобильное приложение? Вы можете там посмотреть остаток на счете.

– Нет, к сожалению, все на телефоне мужа, – эти слова полосуют сердце, как острая бритва, и слезы обиды подступают к горлу, соленая влага начинает щипать глаза.

– Тогда, возможно, стоит связаться с ним или оплатите наличными? – предлагает свои варианты девушка, а меня начинает ощутимо колотить изнутри.

– Да, я так и сделаю. Подождите минутку, – сглатывая горькую досаду, подхожу к матери.

– Игнат карту заблокировал, – бормочу так тихо, чтобы не слышала администратор и чтобы не разбудить Киру.

– Вот мерзавец, – эмоционально произносит мама, я тут же прикладываю палец к губам.

– Шшшшшш, не кричи.

– Что не кричи? Почему не кричи? Сколько этот, прости

Господи, твой муж будет издеваться над нами, скажи! Звони ему. Сейчас же, – рывкает мать. – При мне. Ну, же.

Жесткие слова матери меня подстегивают. Уверенность, смешанная в одном флаконе со злостью, дает свой результат. Набираю номер мужа. Нахожу прокручиваю в голове примерный монолог. Циничный. Мерзкий. Он вышел со мной на тропу грязной войны. Мерзавец.

Распаляю себя, но весь настрой проходит, стоит только услышать в динамике голос Игната.

– С сегодняшнего дня все твои карты заблокированы. Как только найдешь себе жилье, пришьешь смску с адресом, водитель подвезет тебе вещи.

– Игнат, что у тебя в голове? Ты выгнал меня с маленьким ребенком из дома. Ты ничего не хочешь мне объяснить? На что, по-твоему, я должна снять жилье, если у меня совсем нет денег?

– Это разве проблема? Попроси их у отца Киры. Уверен, он тебе поможет, – голос мужа холодный, циничный, я ни разу еще не слышала, чтобы он так с кем-то общался и именно в этот момент я вдруг осознаю, что до Игната мне не достучаться. Он закрылся от меня полностью. Но как, как такое могло произойти? Когда свекровь успела так настроить его против меня... ?!

– Игнат... Я все знаю. Лилия Сергеевна лжет...

В динамике слышатся короткие гудки.

– Ну, что он сказал? – вопросительно смотрит на меня

мама.

В висках набатом стучит усталость. Дикая злоба давит на грудь. Чувствую, как внутри сжимается натянутая струна в попытке сдержать дрожь, пробивающую импульсами тело изнутри. Сжимаю кулаки и стискиваю зубы, чтобы не закричать в голос.

– Пока ничего, – стараюсь казаться спокойной, хотя внутренне я на полном взводе. – Подожди меня здесь, я что-нибудь придумаю.

Порывисто развернувшись, направляюсь к администратору.

– Ну, что, решили вопрос? – приветливо улыбается девушка.

– Нет, – из-за бурлящих эмоций внутри, голос звучит сдавленно, грубо. – Нам придется отказаться от номера. Извините за беспокойство и верните документы.

Девушка, не ожидавшая от меня столь разительных перемен, с недоумением смотрит на мою протянутую руку.

– Документы верните, – сдержанно цежу сквозь зубы, о том, что делать дальше, я пока не думаю. – Ну...

Тряхнула рукой и в этот момент свет люминесцентных ламп отражается в ободке обручального кольца. Меня, как молния, простреливает внезапное озарение. Конечно. Как я не догадалась сразу... Облегчение, как тягучая патока, тут же разливается по венам. На губах неосознанно появляется улыбка. А девушка-администратор застывает в оцепенении.

– Боже! Девушка. Простите меня, пожалуйста. Я вас напугала?

– Да, нет, что вы, – девушка тут же выкладывает все документы на стол со словами. – Жаль, что наш отель не подошел вам.

– Извините еще раз. Мы просто повздорили с супругом... Вы не подскажите, где тут ближайший ломбард?

Глава 3

– Ксения, зря ты это сделала, – сетует мать по поводу драгоценностей, которые я сдала в ломбард.

– Если ты намекаешь на то, что я пожалею, то нет.

– У меня есть небольшие сбережения. На первое время хватило бы.

– Мам! Первое время? А потом? Ты понимаешь, что мне все нужно будет начинать с нуля. У меня ни работы. Ни денег. Ничего нет.

– Не будь слишком категоричной, Ксения. При разводе любой суд встанет на сторону матери. Будешь получать алименты. Пособия.

– Мам, давай не сейчас, – устало отвечаю.

Как бы я не держалась, как бы не бодрилась, но бешеный стресс, взвинченные нервы с каждой минутой все больше и больше высасывают из меня энергию. А все реалии, произошедшие за сегодняшний день, все те события, которые я пытаюсь до сих пор игнорировать, срывая на корню пробивающиеся ростки паники, чувствую, нарастают, и ощущаю, что силы заканчиваются, сила духа ломается и я не могу с этим справиться.

Сжимаю в пальцах руль до белых костяшек, выезжаю на дорогу.

– Ксюша, доченька, прости, – вдруг всхлипывает мама.

Кошусь в ее сторону.

– Мам, ну, ты-то чего? – легкое раздражение проскальзывает в моем голосе.

– Ой, да я непутевая мать, Ксюш. Я же вот сердцем чуяла, что от этого брака вашего, толку не будет. Зря квартиру бабушкину продала. Зря ипотеку взяла.

– Мама, ну, ты серьезно? – я удивлена, не ожидала от родительницы услышать что-то подобное.

– Ну, а что, нет?! Пусть бабушкина квартира и плохенькая была, так все лучше, чем скитаться по гостиницам и отелям.

Тяжело вздохнув, кладу матери руку на плечо, сжимаю.

– Мам, не переживай...

– Ксюш, ну, все у нас будет хорошо. Правда, – перебивает меня мама. – И без «этих» справимся. Я в самом расцвете сил. Тоже могу работать. Кирочка у нас уже большая. В садик устроить не проблема будет. А ты... Ты о ребенке должна думать.

Мама обводит мой, еще совсем плоский живот, красноречивым взглядом.

– Ладно, – отдергиваю руку. – Решим, что делать дальше, чуть позже. Возможно, все еще изменится, когда Игнат узнает, что я жду ребенка.

Мама промолчала. Да и сама я прекрасно знала, что не изменится ничего. Муж как будто с катушек съехал. И боюсь, что это насовсем.

Следующая наша незапланированная остановка происхо-

дит ровно через пять минут после слов:

– Мама, я писать хочу, – оповещает нас о своем желании с заднего сиденья Кира.

– Солнышко, может, потерпишь? – задаю вопрос с надеждой на то, чтобы успеть найти возможный карман на обочине для парковки. – Ой. Мама, мама сильно хочу.

Взгляд тут же цепляется за яркую вывеску на фасаде здания «КАФЕ».

Подпираю припаркованные на обочине машины. Пулей вылетаю из салона.

– Мама, аварийку врубай! Подожди здесь. Мы быстро.

Подхватив Киру на руки, размашистым шагом направляюсь к зданию.

– Мамочка, быстрее, – цепляется мне за шею дочка.

Врываюсь в кафе и с размаху влетаю в официанта. Дальнейшие события происходят в считанные секунды.

До моих ушей доноситься почти одновременное грубое ругательство и звон бьющейся посуды. Морщусь.

Я, понимая, что виновата в этой «аварии», теряюсь лишь на мгновение, потому как первоначальная задача для меня состоит в том, чтобы отвести дитя в туалет.

– Извините, я все оплачу. Где у вас туалет?

– Конечно, оплатите! – раздается возмущенно. – У нас туалет только для посетителей!

Несколько секунд стою молча, обдумываю сказанное:

– Мне кажется, я уже сделала у вас заказ, – поддеваю нос-

ком разбитую тарелку с остатками еды. – И, если мой ребенок сейчас описается мне на руку, ты можешь забыть что тут когда-то работала. Понятно?! – цежу сквозь зубы.

Девушка злобно сверлит меня взглядом снизу вверх. И, я уверена, будь мы в другой ситуации, она бы меня послала, но не сейчас.

– Дарья, – прямо передо мной возникает еще одна девушка, строго одергивает официантку: – Простите за эту неловкость. Давайте я вас провожу.

Квест-забег мы успеваем завершить вовремя. И в зал я вышла, уже немного отпустив ситуацию и успокоившись. Держа дочку за руку, подошла к барной стойке.

– Сколько я должна за заказ и разбитую посуду? – интересуюсь, сразу перейдя к делу, понимаю, что все уже посчитано и чек ждет меня.

– Ничего. Наш гость все оплатил сам, – быстро отвечает бармен, отвлекается лишь на долю секунды от натирания бокалов, чтобы взглянуть на меня. – Все хорошо. Не переживайте.

Приветливая маска, застывшая на лице, выражает полное безразличие.

– Ладно. Если так, то хорошо.

Это даже к лучшему, – думаю про себя. – Сейчас и так каждый рубль на счету. Поэтому спорить даже не буду.

Прощаюсь с барменом и разворачиваюсь, чтобы уйти, когда неожиданно натыкаюсь на препятствие в виде широкой,

мужской груди, затянутой в голубую рубашку.

– Извините, сегодня точно не мой день, – бормочу под нос, подтягиваю к себе дочку, и пытаюсь обойти мужчину, даже не взглянув на него.

– Впервые слышу от женщины, которая подобное говорит, встретив меня, – низкий грудной смех привлекает мое внимание.

– Да, это я не вам, – спешу разуверить мужчину, поднимая взгляд... и встречаю его пристальный, изучающий взгляд с видимой чертовщинкой.

– Я шучу, – улыбается мужчина, но с места не двигается.

– Мама, пошли, – тянет меня за руку Кира, уставшая ждать.

– Пропустите? – дергаю бровью вверх.

– Выйдем вместе. Я как раз за вами пришел, – сообщает мужчина.

Стоп...

И я уже смотрю на него другими глазами. Непонятно откуда взявшийся страх захватывает меня своими щупальцами мгновенно.

– Куда пойдем? Мы никуда не пойдем с вами, – пячусь в обратную сторону, тяну Киру за спину. – Вы вообще кто такой? – голос срывается на шепот.

– Я...

– Я... хозяин автомобиля, который вы подперли.

Секундное замешательство с моей стороны обуславлива-

ется хаотично скачущими мыслями в голове. Дальше наступает понимание:

– Боже! – воскликнув, кладу ладонь в районе солнечного сплетения, глупо улыбаясь, выдыхаю.

Страх, зародившийся в груди, отступает, оставляя после себя легкий тремор.

– Ну, вы и напугали меня, – объясняю свое состояние мужчине, который с недоумением глядит на меня.

– Извините, Ксения, я не преследовал такой цели, – отшучивается мужчина, при этом называя мое имя. И снова у меня ступор.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Так ваша мама сказала, – пожимает плечами мужчина.

– Боже, – снова облегченно выдыхаю, нервы расшалились так, что я уже не могу мыслить логически.

– Ой, вы меня простите за неудобство. Я сейчас отгоню машину. Дочку нужно было срочно в туалет сводить, – быстро говоря, оправдываюсь из-за неловкой ситуации, сама же, оттесняя незнакомца, направляюсь с Кирой к выходу.

– Да, ничего. Я все равно никуда не спешил. Решил вот, заехать пообедать, а тут вы, – и улыбка на его губах становится шире, а пауза дольше.

– Что я? – переспрашиваю.

Он подталкивает меня в сторону машины, не давая остановиться.

– Вдребезги разнесли мой обед...

– О-о-о, – выдыхаю. – Еще раз прошу прощения. Мама, помоги Кире. Пристегни ее, – когда подходим к автомобилю, отвлекаюсь от незнакомца на минуту, чтобы усадить дочку в машину. – Я могу вам как-то возместить ущерб? Мне сказали, что вы оплатили все. Я верну вам деньги. Скажите, сколько я вам должна. Мам, подай кошелек...

– Ксения, прекратите. Неужели я похож на того, кто нуждается в деньгах? – внезапно улыбка сходит с лица незнакомца, но глаза продолжают смотреть на меня с легким прищуром, скрывая за длинными, густыми ресницами истинные чувства.

Заданный им вопрос побуждает меня против воли взглянуть на него оценивающим взглядом. Высокий. Одет со вкусом. И да, я с ним полностью соглашусь, что он не производит впечатления человека, нуждающегося в деньгах. Об этом свидетельствуют и поблескивающие в дневном свете дорогие часы на его запястье. Массивная печатка на пальце. Зажим с небольшими вкраплениями драгоценных камней. И, конечно же, черный внедорожник с «топовыми» номерами. Про внешность и говорить нечего. Широкие скулы. Квадратный подбородок. Чувственные губы. Тонкий нос. Глаза большие, серо-голубые, с длинными ресницами. Он был небрит, но это не мешало отметить мне того, что он довольно-таки привлекателен. Только сейчас понимаю, что ему не больше тридцати.

– Вот, Ксюш, – так вовремя появившаяся рядом мама раз-

ряжает обстановку.

– Уже не нужно, – отвечает за меня незнакомец, мама в легком недоумении застывает на месте.

– Мы договорились уже, мам, – немного смутившись, отвечаю родительнице.

– Тогда, может, уже пора ехать? Нам еще гостиницу нужно найти, не на улице же ночевать? – с нотками нетерпения в голосе произносит мать.

– Да, едем уже. Едем, – недовольная ее откровенностью перед совершенно посторонними людьми, грублю.

– Еще раз извините, – замявшись, извиняюсь, отвожу взгляд в сторону. Пристальное внимание к моей персоне со стороны мужского пола для меня волнительно.

Возникает неловкая ситуация. С другой стороны – этот тип тоже мутный какой-то, молчит, недоговаривает. Денег не хочет, зачем тогда продолжает разговор?

– Мама права, нам нужно ехать, – я разворачиваюсь, чтобы уйти, когда мою ладонь неожиданно обхватывают горячие, сильные пальцы незнакомца. Меня будто электрошоком пробивает от чужого прикосновения. Тут же выдергиваю руку, смотрю на него в недоумении.

– Ксения. Извини... те, – сразу же отпускает руку. – Разрешите вам помочь?

– Что?

– Я могу помочь вам с гостиницей, – поясняет незнакомец. – И да, позвольте представиться, Аркадий.

Подает мне ладонь для приветствия, я, скорее, рефлекторно, чем сознательно вкладываю свою в его и сжимаю длинные пальцы.

– Ксения, – говорю и так очевидную вещь. – Зачем вам мне помогать?

Задаю, как по мне, вполне логичный вопрос, а вот мама позже скажет, что со стороны все выглядело не так уж безобидно, как мне казалось.

– Честный ответ принимается? – приподнимает один уголок рта.

– Только честный, – отвечаю слишком поспешно и с ярко выраженными эмоциями. Обида на мужа пульсирует в сердце кровоточащей раной.

– Вы мне понравились. И мне кажется, что вы действительно сейчас нуждаетесь в помощи. И я на вашем пути встретился неслучайно, потому что я действительно могу вам помочь. Ну, что скажете?

Мне требуется несколько минут для того, чтобы переварить услышанное. Притупившиеся на некоторое время эмоции и чувства, вдруг с новой силой всколыхнулись в груди. Злость. Обида. Все смешалось, как ядовитая отравка, растекаясь по венам.

– Чем вы можете мне помочь? – задаю вопрос звенящим от напряжения голосом.

– Могу вас, вашу дочку и маму разместить в отеле без лишних заморочек.

Вот это предложение. Действительно, неожиданное.

Бросила короткий взгляд на маму, Киру. Измученный. Уставшие. Они внимательно следили за нами, а в их взглядах читались безысходность и пустота.

– Ладно. Я согласна. Возможно, вы действительно правы и я встретила вас неслучайно. Так как, говорите, вас зовут?

– Аркадий... Озимков, – добавляет зачем-то фамилию, может, для того, чтобы я не сильно волновалась! – Говорите адрес вашего отеля.

Достаю телефон. Кликаю иконку навигатора, а сама с разочарованием подмечаю, что ни пропущенных вызовов, ни sms нет. Что в очередной раз доказывает то, что ссора с Игнатом – это серьезно.

– Вбиваете? – прогоняет своим вопросом захлестнувшая меня горечь.

– Угу, – Аркадий диктует адрес. Оказывается от того места, где мы сейчас находимся, ехать не так уж и далеко.

– Гостиница «Азимут». Если вдруг потеряетесь, встречаемся на ресепшене, – подмигивает мне мужчина.

– А вы там работаете? – не сдержавшись, задаю вопрос.

Тем временем Аркадий помогает занять мне водительское сиденье, придержав и захлопнув дверь, когда я оказываюсь внутри.

– Нет, Ксения. Я им владею.

Глава 4

Всю дорогу до гостиницы меня не покидало жуткое смущение. Казалось бы, взрослая женщина. За плечами какой-то никакой, а опыт общения с мужчинами имеется. Не зря же столько лет замужем была. Да и в высшем обществе не раз приходилось сталкиваться с мужчинами. Правда, Игнат старался ограничивать от посягательств на мое общество оных.

Но, возможно, дело в том, что, уже двигаясь к назначенному месту встречи с Аркадием, у меня вдруг в мозгу прояснилось, и я неожиданно вспомнила Романа Озимкова, крупного бизнесмена и владельца сети гостиниц. Название вылетело из головы. Фамилия запомнилась, потому что у наших дальних родственников была такая же.

Сердце каждый раз срывается с места от той мысли, что Аркадий – это сын Озимкова. «Невероятная встреча. Даже, скорее, странная.»

– Это ты про Аркадия? – встрепелась мама.

Черт! Я озвучила мысли вслух. Тем самым дала пищу для разговора.

– Да, именно про него, мам, – нехотя, признаюсь.

– Будет, действительно, удивительно, если он окажется сыном самого Озимкова?! Если бы ты мне не рассказала, как вы с ним столкнулись, можно было бы подумать, что это все подстроено. Но, с другой стороны, зачем это нужно такому

большому человеку? У него, что, заняться нечем? Ну, это смешно же, если представить, что он незнакомых девиц по кафешкам ловит!

Ведет монолог сама с собой родительница, в который я предпочитаю не вмешиваться. У меня и без того в голове полная каша, а в душе – страшная сумятица. И непрекращающийся поток разнообразных мыслей. Мысли, мысли, мысли. Они пульсируют в мозгу, раздражая, разжигая панику. Что мне делать? Куда деваться? Куда обратиться? Да, и поможет ли мне кто? Жилье вроде бы есть и одновременно нет. Ипотечная квартира, которую мать взяла, абсолютно не приспособлена для жизни в ней, а чтобы сделать там ремонт... об этом даже речи не может быть. У нас не хватит на это денег. Надо еще подумать о следующем платеже...

О, боже! Остановите землю... я хочу выйти.

– Ксения! – теребит меня мать за рукав. – Ты, вообще, слышишь о чем я тебе говорила?

– Что? Нет, мам, я немного задумалась.

– Через пятьсот метров поверните направо...

– Всенепременно, – отвечаю навигатору на автомате.

– А что, если Аркадий в тебя тайно был влюблен...

Внутри все оборвалось. Сердце, сделав еле ощутимый толчок, замерло. Я покосилась на мать.

– Ты серьезно? – голос звучит сдавленно, глухо.

– А что? С твоим мужем все понятно, от него вряд ли ты что-то добьешься теперь. Если только через суд и то – копей-

ки... Это при том раскладе, что тест ДНК окажется верным.

– Мама, хватит пороть чушь. Ты что такое говоришь? А если Кира услышит и потом Игнату расскажет?!...

– Я ничего не слышу, – сразу же подает голос дочка.

– Мама, ё-моё! – рычу на мать.

– Я папе не расскажу, – обещает дочка.

– Поверните направо! – механический голос навигатора только накаляет обстановку.

Сжимаю зубы.

Только спокойно, – проговариваю про себя.

Нервы на пределе. Как же в этот миг я ненавидела Игната. Как же презирала его и его семейку. Ладно, свекровь. Женщины, они хитрые, циничные, безжалостные, но Григорий Владимирович?! Для меня он всегда был мужчиной с большой буквы. Олицетворение мужественности, справедливости, защиты и добропорядочности. Как он мог так поступить с Кирой?! Свекр в ней души не чаял...

– Вы прибыли, – обрывает мои мысли механический голос.

– Ого! Вот это ничего себе! – восклицает родительница, когда прямо перед нами разворачивается шикарный вид фасада гостиницы «Азимут». Не успеваю я как следует рассмотреть все убранство здания, как к нам уже подоспел молодой парень, одетый в униформу. Остановился перед моей дверью. Замер. Я щелкнула кнопку стеклоподъемника:

– Здравствуйте, – приятная улыбка играет на губах парня.

– Вас ожидают. Не волнуйтесь, багаж доставим в номер.

Предугадав все мои вопросы, парень ответил на все сразу. Коротко и по делу.

– Вот это сервис. Вот это я понимаю.

Родительница захватила сумочку и выбралась из машины первой.

– Кирочка, пойдем, – поманила внучку.

– Мама?! – забеспокоилась я, но было уже поздно, мама забрала Киру из машины со словами:

– Ксюш, давай сделаем сегодня, как небезызвестная нам Скарлетт: «подумаем обо всем завтра». Мне кажется, так, как сегодня, я не уставала никогда. Мне жизненно необходим отдых и чашечка горячего чая. Тебе, между прочим, он тоже не помешает.

После ее слов, в один момент, мне на плечи как будто насыпали мешок с песком.

И я почувствовала как он начинает давить.

Я так отчего-то разволновалась, что с каждым ударом сердца, с каждым вздохом мне становилось все хуже и тяжелее. Я смотрела на маму с Кирой и думала только об одном: смогу ли я защитить их? И как я допустила то, что в один миг я потеряла все. Любовь. Мужа. Семью. Деньги. Все, чем жила, дышала и чему отдавала себя без остатка. Слезы навернулись на глаза.

– Женщина, вам плохо? – глухо, словно через вату, слышу голос парня рядом с собой.

– Плохо?! – хрипло переспрашиваю и пытаюсь ощутить, насколько я потеряна и готова ли двигаться дальше. – Нет. Со мной. Все. Хорошо.

Почувствовала, как к ногам приливается сила и сбросила пальцы парня, направилась за матерью, которая неторопливо семенила ко входу в гостиницу. Кира размахивала ручкой, что-то ей рассказывала. У меня сжалось сердце от этой картины. Мне вдруг стало невыносимо больно от той мысли, что моя дочка больше не увидит отца. К горлу подкатил комок... который без раздумий, хладнокровно отказался от нее. Подонок. Грош цена такому отцу. Не больше. Ругаю Игната так, как никогда бы не посмела ему сказать в лицо. Да он и повода для этого никогда не давал, но что... что тогда могло произойти, что он мне даже не дал объясниться!? – с отчаянием вопрошаю у самой себя и где-то в глубине сознания я понимаю, то, что тест ДНК – это всего лишь малая часть того, что мне позволили узнать. Но для меня и этого оказалось так много, что я теперь не знаю, как буду дальше жить и что мне делать с беременностью, которая может обернуться для меня непреодолимым испытанием.

– Ксения!

Передо мной в нескольких метрах стоит Аркадий. Приветственно улыбается. Машет рукой. Несмотря на то, что меня изнутри рвет на части, но от Аркадия исходит невероятное тепло и искренняя забота, что рот невольно сам растягивается в приветливой улыбке.

– Здравствуйте, – протягиваю ладонь, и мужчина, чуть сжимая кончики пальцев, задерживает их в своих руках немного дольше, внимательно изучает мое лицо.

– Ксения, вы, кажется, с нашей последней встречи стали выглядеть немного хуже. Вы уверены, что у вас все хорошо?

– Аркадий, а вы за каждую незнакомую девушку так искренне переживаете или этой чести удостоилась только я? – пытаюсь шутить и, возможно, у меня это плохо получается, но мужчина тут же отвечает.

– Вы меня обижаете, Ксения. За кого вы меня принимаете? – лукаво подмигнув, ухмыльнулся. – И хватит уже стоять на улице, а то ваши дочка и мама меня прибьют, если я вас задержу еще хоть на секундочку.

– Не исключено, – обогнув мужчину, подхожу к маме, беру Киру за ручку. – Мы готовы.

Аркадий без лишней траты времени ведет нас внутрь.

– У вас есть предпочтения на вид из окна? – интересуется Аркадий, подводя нас к ресепшену.

– Нет, – качаю головой, осматриваясь.

Внутри помещение выглядит, как говорится, дорого-богато. Красок полно, но все они приглушенные и в то же время сочные. Мне такого раньше не приходилось видеть. Почти вся мебель в теплых, бежевых тонах с яркими, акцентными вставками. И вообще, здесь было невероятно светло и уютно.

– Наденька, приготовь номер для наших гостей, – услышав это, у меня аж мурашки по коже пошли.

– Аркадий, не нужно, – подступаю к нему так близко, чтобы меня слышал только он. – Я не смогу этот номер оплатить.

– Ксения. Вы опять думаете совершенно не о том, – и снова улыбается. – Расслабьтесь и наслаждайтесь.

– Но это неправильно, – сурово хмурюсь, поджимаю губы.

– Неправильно, Ксения – это то, как поступил с вами ваш муж.

– Но откуда вы знаете? – быстро оглядываюсь на мать, та отстраненно смотрит куда-то вдаль, делая вид, что нас не слышит... или правда не слышит.

– Ксения, я знаю чуть больше, чем мне бы хотелось. На этом допрос закончим. Наденька, что там с номером?

– Мне проводить ваших гостей? – игриво улыбаясь начальнику, Надя выплывает из-за стойки.

– Да, будь добра. Ксения, – уже обращается ко мне. – Если вам что-нибудь понадобится, можете мне позвонить. А пока... Не думайте ни о чем. Просто живите и отдыхайте. Все наладится. До свидания, – протягивает руку для пожатия моей матери, потом Кире и мне, – еще увидимся.

Развернувшись, Аркадий широким шагом направился через громадный вестибюль в сторону длинного коридора.

– Пройдемте?! – звонкий, хорошо поставленный голос девушки сразу же обращает на себя внимание.

Замешкавшись на секунду, я, Кира и мама сгруппировались стайкой и поспешили вслед за Надеждой. Получилось символично. Ухмыльнулась своим мыслям.

Стоя на пороге, обвела взглядом номер... Люкс, не меньше, и снова в сердце забралась неконтролируемая тревога.

– Что ж, я пойду. Если что-то понадобится, мы всегда на связи, – улыбнулась девушка и уже собралась уходить, когда я задала вопрос.

– Надежда...

– А?! – вопросительно изгибает бровь девушка.

– А Роман Озимков – это отец Аркадия.

– Да, все верно. Что-то еще?

Отрицательно качаю головой.

– Все.

Губы девушки сложились в вежливую улыбку. Абсолютно нейтральную. В глазах нет ни одной эмоции. Только вежливость на лице и в манерах. Сервис на высоте. Сказать нечего. Не успеваю за ее спиной захлопнуть дверь и выдохнуть, как в нее тут же стучат. Распахиваю.

– Ваш багаж. Куда можно поставить? – интересуется мужчина.

– Оставьте здесь, – указываю в угол рядом с дверью.

Мужчина, аккуратно переложив сумки и пожелав хорошего дня, удаляется.

– Боже! Это когда-нибудь закончится? – бормочу с раздражением, в то время, как в груди зарождается что-то непонятное, давящее на ребра.

Меня внезапно накрывает эмоциональный кризис. И я вдруг осознаю, что не могу сдвинуться с места. Кажется, что

ноги вросли в пол намертво. Страшно. Меня затрясло. Надо срочно успокоиться. Я не могу напугать Киру. У дочки и так стресс, еще не хватало ей и меня в таком состоянии видеть. Закрыв глаза, делаю глубокий вдох. Задерживаю дыхание.

– Ксения, – плечо крепко сжимает материнская ладонь, резко выдыхаю, круто разворачиваюсь, а на языке уже крутятся нехорошие слова в сторону родительницы, но тут же теряются, когда вижу, что рядом с мамой стоит Кира с поднятым на меня взглядом, в котором ясно читается страх. Эмоции, выплеснувшись за края чаши терпения, затапливают меня с головой. Тут же опускаюсь на колени и, порывисто притянув дочку к себе, прячу её в своих объятиях.

– Кирочка, прости маму. Хорошо?! Ты устала? Хочешь кушать? – проговариваю быстро.

– Ксюша. Ксюша, – мама теребит меня за плечо, а я не понимаю, что она от меня хочет? Чего пристала?

Поднимаю на нее злобный взгляд.

– Что? – рычу.

– Прекрати сейчас же. Не пугай ребенка, – шипит она, пытаюсь высвободить из моих рук Киру.

Я пугаю? Почему она так говорит?

Ее слова действуют на меня, как отрезвляющая пощечина. Подавляя импульсный всплеск отчаяния, медленно, с трудом ослабляю хватку, отпускаю Киру. Дочка, не шелохнувшись, все продолжала стоять, застыв, как оловянный солдатик, только в глазах блестели навернувшиеся слезы.

– Кира, солнышко, – провожу подушечками пальцев по ее круглой щечке. – А давай...

– ... мы с Кирочкой мороженое хотели спуститься покушать. Да, заяц?!

Мама, видя мое состояние и правильно оценив ситуацию, тут же вмешивается и перетягивает все внимание на себя.

Дочка, встрепenuвшись, пyтитcя от меня к бабушке.

– Я хочу шоколадное. Мама, можно мне шоколадное? – звучит звонкий голосок малышки, разгоняет нависшие над моей головой свинцовые тучи.

Я через силу улыбаюсь ей:

– Конечно. Тебе можно сегодня все, что ты захочешь, – голос дребезжит, срывается, но я держусь.

Отступаю в сторону, освобождая проход.

– Возьми себя в руки, Ксения. И приведи себя в порядок. Ты пугаешь Киру. И меня. Этот изменник не стоит ни одной твоей слезинки. Так что не трать их впустую, – скороговоркой прошипела родительница прежде чем выйти.

Ответа она не ждала. Да и не нужен он был. Никому не нужен. Только его требовало мое сердце. Израненное, ободранное, оно истекало кровью и жаждало узнать, почему Игнат так со мной поступил?

Мама с Кирочкой возвращаются тогда, когда я после продолжительных рыданий под душем, придя в себя, выхожу из ванной.

– Мама, а мы тебе мороженое принесли. Твое любимое,

– подбегает ко мне Кирочка, протягивая рожок с розовым шариком, – клубничное.

– Спасибо, сладкая, – присаживаясь на корточки, целую дочку в щечку.

– О-о-о, у нас тут сюрприз, – слышится из той части номера, где за декоративной перегородкой располагалась зона столовой.

Взяв дочку за руку, направляемся на звон посуды.

– У меня нет слов, Ксения. Этот Аркадий умеет быть внимательным и расположить к себе, – комментирует мама свои действия, разжигая мое любопытство.

– Хм, интересный подход, – ухмыляюсь, когда моему взгляду предстает сервировочный столик, полностью заставленный разнообразными яствами. – Интересно, с чего такая щедрость?

– Может, человек действительно захотел помочь по доброте душевной.

– Не знаю насчет доброты, но с блюдами он точно угадал, – отрываю виноградину от грозди и засовываю её в рот. – Что это?

Замечаю край белого конверта, загадочно выглядывающего из-под блюда с овощными тарталетками. Мама тем временем, с любопытством поглядывая в мою сторону, переставляет всю еду на стол. Кира тоже не остается в стороне, помогает, раскладывая столовые приборы.

– «Комплимент от заведения», – написано сверху круп-

ным шрифтом, внизу же, намного меньшими прописными буквами, приписка: *Ксения, в ресторане платить не нужно, я на ваш счет распорядился. Отдохните сегодня хорошо. А завтра встретимся и все обсудим.*

От слов мужчины у меня волосы на всем теле взъерошились и зашевелились. То ли я себя накручиваю, то ли срабатывает какое-то шестое чувство, но мне вдруг становится неуютно и тревожно на душе. О чем нам с ним говорить? Мы вовсе не знакомы. Уж я-то его точно не знаю, а что насчет Игната, то закрадывается мысль о том, что Аркадий мог где-то с мужем и пересекаться. Возможно, даже вместе нас видел на каком-то из мероприятий, но лично меня с ним не представляли друг другу. И вот, случившаяся неожиданная встреча послужила как повод для знакомства?! Только мне этого точно не нужно. По крайней мере, сейчас, когда мне во всем еще предстоит разобраться...

– Мам, я что-то перехотела обедать. Аппетит пропал, – зло смяв белый лист пальцами, сую его в карман халата. – Вы кушайте, а я отлучусь позвонить.

– Ксюша, что за спешка? Посиди с нами немного, – мать красноречиво глазами показывает в сторону Киры. – Ксения, в твоём положении не нужно пренебрегать здоровьем. Отдохни сегодня. Успокойся. Выпись. Нужно действовать на трезвую голову. С остывшими эмоциями и контролируемыми чувствами.

Мне хватило минуты, чтобы остыть. Мать права. Тем бо-

лее, звонок был не такой уж и важный, мне просто нужна была причина, чтобы уйти. Но, как известно, от себя не убежишь. Тем более, когда ты в ответе не только за себя, но и за тех, кто находится с тобой рядом.

– Действительно. Давайте отвлечемся и покушаем, а потом можно посмотреть что-нибудь по телевизору.

– Выбираю я, – встрепелась Кира. – Будем смотреть мультфильм про Русалочку.

Мы уселись за стол.

– Я не против, – улыбнулась ей в ответ.

– Так уж и быть, в этот раз уступлю, но следующий мультфильм выбираю я, – в шуточной форме заявила мама.

Внезапно нашу болтовню перебил звонок моего телефона.

– Не отвечай, Ксения. Пусть звонит, – настойчиво комментирует мать.

– А вдруг это папа? – вскакивает из-за стола дочка и мчится на звук, и не успела я как-то среагировать, как Кира, радостно вскрикнув, отвечает на вызов. – Папа! Папочка! Я знала, что это ты. Ты за нами приехал?

Глава 5

Резко поднимаюсь, и стул, не устояв под моим напором, перевернувшись, с грохотом рухнул на пол.

– Кира, дай мне трубку! – мой голос звучит слишком возбужденно, от того чересчур громко и строго.

Дочка, не поняв в чем дело, хлопает ресницами. Задрожала и, подбежав, сунула мне телефонную трубку в руки.

– Мама, там папа, – хныкающим голосом произносит. – Я хочу к нему.

– Кирочка, – понимаю свою ошибку, и притягиваю дочку за плечи, целую в макушку. – Прости... что накричала...

Кира обнимает меня ручками. Облегченно выдыхаю.

Прижимаю к уху трубку.

– Игнат?! – стараюсь сдержать рвущееся наружу волнение, отвечаю как можно ровнее.

– Зачем ты кричишь на Киру? – сухо, без эмоций.

– С чего вдруг интересуешься? – срывается с губ язвительное.

– Потому что она... – вдруг в его тоне скользит вырвавшаяся из-под контроля злоба, – она... ребенок и не может защитить себя.

– Защитить? – срывающимся от волнения голосом переспрашиваю, саму же начинает бить крупная дрожь.

– Мама, ты замерзла? – дочка обнимает меня крепче.

– Да. Именно так. Дети в таком возрасте не могут отвечать за действия своих родителей, – эмоции Игната полностью выходят из-под контроля, и я даже не знаю, радоваться мне этому или пугаться, что он задумал? Почему так напирает? Разговаривает в таком тоне?

Отнимаю трубку от уха. Склоняюсь к Кире.

– Солнышко, походи покушай с бабушкой. Мама сейчас поговорит и вернется. Договорились?! Мама! – окликаю родительницу, которая делает вид, что сосредоточенноковыряется в тарелке с едой и не подслушивает наш разговор.

Но тут же подрывается с места и, подхватив Киру, забирает её с собой.

– Игнат, зачем ты звонишь? Что тебе нужно? Или ты вдруг прозрел? Хотя по твоему тону вряд ли, – подвожу итог.

– Нет, ничего не изменилось, Ксения. Я принял решение. У меня есть неоспоримые доказательства того, что Кира не моя дочь и что ты мне все это время лгала.

– Все твои доказательства и документы – это ложь. Обман. И я тебе это докажу.

– Я больше не склонен верить такой... таким лживым стервам, как ты, – каждое слово пропитано ядом, мне дурно становится даже на расстоянии.

– Игнат, за что ты так со мной? – обида сочится из каждого моего слова. – Я никогда, никогда тебе не врал, Игнат...

Жалко... мне так себя жалко в этот самый миг, что хочется забиться в истерику, разрыдаться и кричать... кричать о

том, что меня оболгали, что я не та, которой меня для него изобразили. Но я не могла. Если я сейчас снова начну обвинять его мать, он бросит трубку и еще больше поверит в ту ложную информацию, которую ему предоставили.

– Хватит. Твои оправдания мне не нужны, я верю фактам. И точка.

– Тогда... что тебе от нас нужно, Игнат? Зачем звонишь? Что тебе нужно? Ты уже выгнал нас из дома. Заблокировал карточки. Что еще? Заберешь телефон? Машину? Забирай все. Мне от тебя ничего не нужно!

Все же истерику сдержать мне не удалось. И это становится понятным после того, как, проведя тыльной стороной ладони по щеке, я чувствую влагу.

– Ксения, не устраивай драму. Я понимаю, что тебе сложно принять тот факт, что твой обман вскрылся, и чем быстрее ты это признаешь, тем будет легче и для тебя, и для Киры.

Я молча слушаю его слова и не могу поверить в то, что это все происходит с нами. Не могу поверить в то, что слышу. Мне кажется, что это какой-то страшный, странный сон, параллельная реальность, да все, что угодно, только не реальность. Ну, не может этого происходить с нормальными людьми в наше время.

– Собственно, я зачем тебе звоню. Завтра жду тебя возле загса. Дорогу найдешь? Или за тобой водителя прислать? Ты, кстати, где сейчас?

– В гостинице, – зачем-то отчитываюсь перед ним, а потом жалею, что сказала.

– И на какую у тебя, интересно, хватило денег?

– А тебя это разве волнует? – иронизирую сквозь обиду.

– Волнует?! Хм, нет. Только еще раз доказывает то, что ты мне врала. На что ты могла снять номер?

– Боже! Игнат, какой же ты...

– Ну, какой? Жадный? Подлый? Говори, не стесняйся. Лучше буду таким, чем лошком-рогоносцем...

– Хватит. С меня хватит!... – нервно выкрикиваю и отключаюсь.

Тяжелый надрывный стон вырывается из самого нутра. Боже! Это сумасшествие какое-то! Разве за преданность, любовь, верность мужу я заслуживаю подобное отношение?

Ноги подгибаются и я, опустившись на пол, закрываю лицо ладонями. Немое рыдание рвет горло. Изматывает сердце. Эмоций так много, что они душат меня изнутри.

С каждой секундой становится все хуже и хуже. Я не могу даже пошевелиться, кажется, что мое тело онемело. Но это не самое страшное.

Самое страшное – это то, что я не чувствую лютой, настоящей ненависти к мужу, только боль от обиды, которую он причинил. И злость. Злюсь на себя за то, что допускаю себе быть такой слабой.

Внезапно снова звонит телефон. Очнувшись, затуманенным взглядом смотрю на экран. Муж.

Отбрасываю трубку, как будто в руки змею живую взяла. Морщусь от боли, сжимающей и без того истерзанное сердце.

– Ксюша, – звучит за спиной вкрадчивый голос матери.

Застыла. Не двигаюсь. Не хватало еще этой чертовой жалости с ее стороны. Не хочу, чтобы меня жалели. Может быть, потом. Но точно не сейчас.

Тыльной стороной ладони вытираю мокрые щеки и шею.

Опираясь ладонями в край кровати, поднимаюсь, поворачиваюсь к матери.

– Да, мам. Я уже все, – сдавленным от рыдания голосом отвечаю ей.

– Ксюша, ты плачешь? Это твой муженек тебя обидел? Что ему нужно было от тебя? Что он хотел?

Возмущения в голосе матери было столько, что у меня даже ни малейшего желания не возникло ей что-то рассказать.

– Мам, а где Кира? – перевожу тему.

Делаю вид, что заглядываю за ее спину.

– Она мультики смотрит. Я ей разрешила взять планшет. Ксюша, ты точно мне ничего рассказать не хочешь?

Перевожу на мать покрасневшие от слез глаза.

– Нет, мам. Не хочу, – твердо отвечаю родительнице.

Поспешно направляюсь к выходу из спальни, тесню в проеме мать.

– Мы собирались отвлечься, не так ли? Мультфильмы нашли?

Напираю на мать так, чтобы она вышла, и я смогла закрыть дверь. Я люблю маму и она мне всегда очень сильно помогала. В каких бы жизненных ситуациях я не оказывалась, она была на моей стороне, плечом к плечу помогала преодолеть трудности. Но...

В данной ситуации я чувствую от нее невыносимое давление. Все произошло так быстро. Обвинение Игната и его измена оказались очень неожиданными и разрушительными, что, кажется, вся Вселенная настроена против того, чтобы муж услышал правду. Ложь такая зыбкая под ногами, как чертово болото, которое вот-вот норовит утянуть тебя на дно и в этот самый момент хочется почувствовать рядом с собой крепкое плечо. Некую опору, но... в данный момент мама опорой не является. Она, как гибкий прут, обманчиво крепкий на вид, а на деле...

Настойчивая вибрация звонка и непрекращающийся звук входящего звонка отвлекают от мыслей и привлекают меня к телефону.

– Это он? Игнат? – вытягивает мать шею, чтобы заглянуть за плечо.

– Неважно. Пойдем, – перехватываю ее под локоть и, наконец-то, захлопнув за спиной дверь, подталкиваю ее к импровизированной гостиной.

Кирочка, подтянув под себя ножки, согнувшись над экраном планшета, молча смотрит мультфильмы. Подхожу к дочке. Сажусь рядышком. Обнимаю мою крошку. Сжимаю в

объятиях, целую.

– Выбрала мультфильм? – задевая дыханием рыжие волосики, спрашиваю дочку.

– Давай... Про Принцессу-Русалочку? Хочу Русалочку. Ты помнишь, ты мне обещала купить Барби, когда мы вернемся домой?

Помню ли я?! Нет, конечно, у меня все из головы вылетело.

Все мои мысли, которые сейчас заполняют голову, только о том, что завтра мне предстоит встретиться с Игнатом в загсе. Я уверена, что муж будет настаивать на разводе. А что делать мне? Как поступить? Он не может надеяться на то, что я просто так соглашусь на развод. Я беременна. У нас есть маленькая дочь. Он лишил меня денег. Жилья.

Игнат не оставил мне выбора. Я буду бороться за свое будущее и за будущее наших детей...

– Черт! Черт! – срывается с губ.

Вскакиваю на ноги. Дочка и мама смотрят на меня удивленно.

– Ой, прости, прости... солнышко, – бью себя по губам. – Так говорить нельзя. Слышишь?

Метнувшись в спальню, хватаю телефон, пулей вылетаю к выходу.

– Мам, – останавливаюсь. – Так, послушай меня. Ничего не говори. И не отговаривай. Нужно срочно кое-что решить. Позанимайся с Кирой. Я ненадолго уеду. Мне нужно погово-

ритель с Ленкой. Мне нужна ее помощь. Это жизненно важно.

– Ксюша. Тебе нельзя за руль. Ты в таком состоянии точно попадешь в аварию!

– Мама! – грубо пресекаю попытки матери меня отговорить. – Успокойся и не пугай Киру, – цежу сквозь зубы.

Дочка молча наблюдает за нами.

– Солнце, я до тети Лены доеду. Мне нужно с ней решить один вопрос. Побудь с бабушкой. Я скоро вернусь! Мама, без вопросов. Все потом расскажу. Ладно?!

Выхожу, не дожидаясь ответа. Мать провожает меня тяжелым взглядом. И мне бы прислушаться к ней, остановиться. Возможно, смогла бы предотвратить приближающуюся опасность. Но...

Расшатанные нервы и штормящие из крайности в крайность эмоции притупляют все чувства.

Я вижу цель и не вижу препятствий. И для меня целью была Ленка, моя подруга, с которой мы рука об руку, с самого первого дня, трудились на фирме мужа. Только я вышла замуж за него (получается, своего начальника), а Ленка, она так и осталась там работать дальше, подтянули ее и по карьерной лестнице. Стала трудиться там по профилю. Юристом. Младшим, конечно. Старших там и без нее хватало, но кто, как не она, в данный момент мне мог помочь?

Пока спускалась на лифте, телефон непрерывно продолжал звонить. Взглянув на экран и увидев фото мужа, засунула трубку обратно в сумку. Пусть понервничает.

Он не хотел меня слушать, когда я просила, теперь мне это не нужно. Да и слушать его оскорбления я тоже не намерена. Хочет найти козла отпущения?! Увы, он не угадал с адресатом.

До Лены добиралась битых полтора часа. И мне они показались целой вечностью. Подруге позвонила заранее. И та, заверив меня, что ждет, уже несколько раз позвонила за это время, беспокоясь о том, где я запропастилась.

– Ну, как ты? – встречает меня с порога Ленка. И я не совсем понимаю ее вопрос.

Я ведь подруге не успела рассказать о нашей ссоре с Игнатом, но у меня закрадывается подозрение того, что подруга уже все знает.

– Ты о чем? – приподняла бровь в недоумении.

– О чем, о чем?! А то ты не знаешь?! Да о вас с Игнатом на каждом углу на фирме шепчутся.

– Что?! – открыла рот в изумлении.

– Вот и я хочу знать, что у вас происходит? Да и потому, что ты ко мне приехала прямо после отдыха, лишь подтверждает слухи.

В шоке наблюдаю за суетой подруги. Лена, видимо, только недавно вернулась с работы. Так как на ней был офисный костюм темно-синего цвета. На лице был замечен макияж, но минимальный. Дресс-код на фирме мужа жесточайший. Оттуда и строгость в прическе и неяркие цвета помады на губах и лака на ногтях. В стенах фирмы существовало негласное

правило, которому подчинялись все: ни один работник не должен выделяться из общей массы. Если не следуешь правилам, то тебя тут же увольняли. Вот и Ленка, сама по себе далеко не красивая и даже симпатичной её трудно было назвать, высокая, худая; про таких говорят – кожа да кости, но хваткая и сообразительная. Думаю, за это и получила повышение. Добилась его своим умом.

– Ну, что застыла, подруга. Давай проходи, – дернула меня за руку Ленка, потащила на кухню. – Ты знаешь, я не люблю копаться в чужом белье и, уж тем более, берeditь чьи-то раны, но ты скверно выглядишь, Ксюнь. Тебе явно нужна моя помощь. Садись здесь. Давай я тебе вместо чая что-нибудь покрепче налью. Коньячка?!

– Не нужно, – поднимаю руку. – Я за рулем.

Отвечаю глухо, а в груди сердце отбивает чечетку.

– Так, и что же о нас говорят, Лен? Расскажи?

– Да, сплетни разные, подруга. Я это даже пересказывать не хочу. Такой бред. Чушь полнейшая.

– И все же!? – настаиваю, а в горле от переживаний становится сухо.

Если в офисных кулуарах обсуждают нашу жизнь с Игнатом, то значит, дело не в сегодняшней ссоре. Тогда...

– Я слышала, что Игнат нашел себе любовницу, – смотрит Ленка мне прямо в глаза, говорит прямо.

А ее слова для меня сродни удару под дых. Выбивают весь воздух из легких.

– Но не чушь ли это, а, Ксюнь. Ну, твой Игнат и какая-то любовница – это две несопоставимые реалии. Мне кажется, это чья-то черная зависть. Честно. Ну, кому-то скучно стало и вот, решили пустить слух. Ну, ты же знаешь, как это бывает. Твой Игнат, он же любит тебя больше жизни...

– Это правда... – сдавленным стоном срывается с губ.

– Что? Что ты говоришь такое?

– Я сама видела, Лен.

– Да, ну. Не может быть?!

На лице Лены написано искреннее удивление и шок. Ленка так радовалась моему счастью. Мечтала, чтобы и ей также как мне повезло встретить сказочного принца на белом Мерседесе, который бы влюбился в свою Золушку с первого взгляда и, невзирая на ее материальное положение и социальный статус, взял в жены.

– Он выгнал меня из дома, – продолжила.

Говорить было трудно. Голос подводил. Срывался на хрип.

– Боже! – прикрывает Лена рот. И, нащупав табурет, садится рядышком со мной. – А Кира?

– Нас всех. И заблокировал карты.

– Ого! Это что же такое получается? Значит, это все не слухи...

– Нет, – отрезаю.

– Ксюша. Ксюшечка. Подруженька моя. Что же такое происходит? Я не могу поверить?!

Ленка цепляется за мои коленки. Сжимает их. А в глазах застывают слезы.

– Ты сейчас убиваешь во мне мечту, Ксюша. Скажи, что это неправда. Скажи...

Но я молчу. Ленка тяжело вздыхает.

– Он хочет развод, Лен, – наконец-то, собравшись с силами, выдаю то, за чем, собственно, я и приехала. – И мне нужна твоя помощь.

– Развод?! Какой, к чертовой матери, развод? Он что, совсем обалдел? А ты? О каком разводе идет речь? У вас маленькая дочка! Подумаешь, переспал с девкой какой-то! – Ленка вскакивает на ноги. – Не он первый, не он последний! – порывисто хватая стакан, наливает воды и залпом выпивает все содержимое. – Даже не думай разводиться!

– Лена. Не все так просто. Сядь, – на фоне возбужденных эмоций подружки, неожиданно для себя я вся подобралась и даже почувствовала некую уверенность в себе.

– Ксюша, я против развода. Да и не один суд вас не разведет... У вас маленький ребенок. Суд, как минимум, даст вам несколько месяцев для примирения...

– Лена, Игнат сделал тест ДНК...

– Что?! – закашливается Ленка от моих откровений. – Но зачем?

– Чтобы доказать мне, что он не является отцом Киры...

– Этого не может быть!? Или... – подружка вглядывается мне в лицо и, видимо, ей становится что-то ясным, продол-

жает. – Да как ему вообще подобное в голову пришло. Кира же... Она же...

– На него не похожа.

– Но это ничего не значит, Ксюш. Бывает, что дети не похожи на своих родителей, но они похожи на своих бабушек и дедушек. А Кира похожа на тебя...

– Уф-ф-ф, – выдыхаю. – Это неважно, Лена. Кира – дочь Игната, как бы он этого не отрицал. У меня, кроме него, никого не было. А родить от Святого Духа, ты сама понимаешь, это миф.

– Боже! Боже! Что же происходит?

– И это еще не все, Лен, – делаю паузу, подруга задерживает дыхание, ждет. – Я беременна.

– О, майн готт! – округляет глаза Лена. И ее лицо вытягивается. – Вас не разведут, Ксюш. Это сто процентов. А Игнат об этом знает?

– Нет. Я не успела сообщить ему эту радостную новость. Он был занят, кувыркаясь в нашей кровати с любовницей.

– Вот кобель! – возмущается Ленка. У меня же от воспоминаний этой мерзкой сцены сердце в груди сжимается в комок и начинает саднить обидой.

– Что мне делать, Лен? – меня раздирает на части неуверенность.

– Бороться, Ксюш. И доказать свою правоту любыми путями!

Подруга не успевает договорить, потому как ее перебива-

ет звонок в дверь.

Вопросительно смотрю на нее.

– Ой, я совсем забыла, Ксюнь. Ко мне сестра должна была зайти...

Ленка метнулась к двери, а я тут же почувствовала в этом доме себя лишней. В голове промелькнула мысль о том, что зря я приперлась. С другой стороны, Лена меня успокоила. Вселила уверенность. Мне стало легче. Спокойнее, что ли. Засобиравшись домой, встаю со стула. Решаю про себя, что не буду мешать Лене. Пусть общается с родственницей, хотя я впервые за столько лет слышу про то, что у Лены есть сестра. Но не успеваю я и шага сделать, когда дорогу мне преграждает подруга.

– Ксения, мне кажется... Ты вытянула счастливый билет, приехав сегодня ко мне, – радостно заявляет она, а, если честно, не могу понять к чему она клонит?! Что за билет? – Вот, познакомься. Моя сестра, – Ленка отступает в сторону, – Кристина. Она первоклассный юрист. Недавно вернулась из Штатов...

Меня же пробивает дрожь. Лихорадит. Секунда... Две... Дыши. Дыши. Упрашиваю себя, жадно вцепившись взглядом в девушку, стоящую напротив меня.

– Ксюша?! – чувствую, как Лена дергает меня за плечо. – Ксюша, что с тобой?

А у меня дыхание комом в горле встало, ни туда ни сюда не проталкивается.

Эта девушка, что стоит передо мной сейчас... Она... Она как будто копия той, которую я видела сегодня в нашей спальне. Длинные светлые волосы рассыпаны по плечам. Аккуратная фигурка затянута в узкое платье-футляр синего цвета. Я не знаю, как удержалась и не вцепилась ей в волосы сразу же, но признаться... уже была на грани срыва.

– Ты?! – вырывается яростное шипение.

– Я? Что я?! Простите?! – Округляет глаза сестра Лены, испуганно отступает, а меня ее низкий, грудной голос, абсолютно не соответствующий ее внешности и совершенно не похожий на тот, ласковый, заискивающий, которым разговаривала любовница мужа, отрезвляет, как будто ушат ледяной воды на голову выливают.

Сморгнув пелену с глаз и придя в себя, я, наконец-то, могу вдохнуть полной грудью:

– Кристина! Извините, – выдыхаю с облегчением, но от перевозбуждения на глазах все же появляются слезы.

– Да, что с тобой? Ксюнь!? – обнимает меня за плечи подруга.

– Я не знаю, что произошло, какое-то помутнение. Просто твоя сестра так похожа на ту, с которой Игнат... – я спотыкаюсь на каждом слове, объяснения мне даются с трудом.

– Да, ты что? Кристина только недавно приехала!

– Что вообще происходит? Я ничего не понимаю?!

Черт побери! Смотрю на девушку озабоченно. У нее такой бас, что аж вибрацией по коже идут мурашки.

– Так, Кристина! Проходи! Здесь ситуация такая... Сложная... Сейчас все объясню. Ксюш, а ты куда собралась? Давай-давай. Присаживайся. Ты будешь пить чай, а мы с Кристинкой что-нибудь покрепче. За встречу грех не дерябнуть по капельке, – Лена подталкивает меня обратно, я пытаюсь вяло сопротивляться.

– Лен, я не хочу мешать.

– Ерунда, – отмахивается подруга и, сламывая своим напором мое сопротивление, усаживает меня на стул.

Кристина садится напротив меня, рассматривает с нескрываемым любопытством. Мне даже не нужно смотреть в ее сторону, чтобы почувствовать ее взгляд. Неприятно.

Ленка хлопчет по кухне, что-то отвлеченное рассказывает по работе, пока накрывает на стол. Строгает бутерброды с сыром. Ставит масло. Икру, от запаха которой меня почему-то начинает подташнивать. Отворачиваюсь.

– Тошнит, да? Токсикоз, что ли?

Тут же, замечая мой жест, обеспокоенно интересуется Ленка.

– Вы беременны? – гаркает Кристина.

Не сговариваясь с Ленкой, одновременно поворачиваемся в ее сторону.

– Кхе, извините. В горле что-то пересохло. Кхе. Кхе, – закашливается, но впечатление, произведенное возмущенным вопросом, высказанным Кристиной вслух, не стереть.

– А что-то не так? – голос звучит немного раздраженно.

Мне совершенно не понравился тон Кристины. Складывалось такое ощущение, что девушка в чем-то меня обвиняет.

– Все в порядке. Я просто ... Извините, – сумбурно отмахивается от ответа на мой вопрос Кристина. И это меня настораживает.

– Девочки, ну что вы разволновались? Ксюша, не воспринимай так все остро. У Кристины голос поставлен. Она не хотела тебя задевать. Вот и чай, держи, – Лена ставит передо мной дымящуюся кружку, но настроение к чаепитию у меня совсем пропало. Да и компания этой Кристины меня откровенно раздражала.

– Лен, я все же пойду. Задержусь в пробке, потом придется стоять. Не хочу, – встаю и прежде, чем подруга открывает рот, чтобы меня остановить, я это вижу по ее глазам, поднимаю руку. – Я завтра тебе позвоню. Как с Игнатом все решится. Тебе позвоню. А на данный момент мне достаточно того, что ты сказала.

– Ксения, – вдруг подает голос Кристина, – не обижайтесь. Я не хотела вас как-то задеть.

– Бросьте. О чем вы!? Все в порядке. И я совершенно на вас не обижаюсь, – губы растягиваются в циничной ухмылке в ответ на ту, что застывает на губах Кристины.

Не знаю почему, но сестра Лены вызывает во мне какое-то внутреннее неприятие, как не пыталась себя переубедить, не

получается.

– Но, если вам будет нужна юридическая помощь – я с радостью помогу. Близкие друзья Леночки и мои друзья.

Боже! Как же пафосно и фальшиво звучит это все.

– Спасибо, – скорее, на автомате, чем из вежливости, кидаю ей сухо. – Лен, проводишь?

– Да, куда же я денусь, – подруга идет за мной след в след, дыхание тяжелое, прерывистое. – Ксюш, прости, я не знаю, что на нее нашло, – шепчет мне у самой двери так тихо, чтобы только я слышала. – Она так-то нормальная.

– Да, не бери в голову. Она, видимо, под шоком от моей выходки, – нервно хихикнув, коротко обнимаю Ленку. – Завтра позвоню.

– Обязательно, я буду ждать. И если что, только свистни, я примчусь. Игнату в обиду тебя не дам. И знаю, закон на твоей стороне.

Еще раз сердечно благодарю Ленку и с легким сердцем ухожу из ее дома.

Уже сидя в машине, проиграв в памяти еще раз сцену с сестрой Лены, окончательно убеждаюсь в том, что уйти было единственно правильным решением. Советы таких юристов, как Кристина, мне в данный момент точно противопоказаны. Да и зашкаливающий цинизм и грубость этой Кристины меня сильно смущают и вызывают полное отторжение от нее не только как от специалиста, но и как от человека в принципе.

Выезжая на дорогу, почти сразу упираюсь в хвост «пробки», образовавшейся перед светофором. Глянув на время, с сожалением осознаю, что пилить мне до гостиницы «Азимут» минимум часа полтора и это при хорошем раскладе.

Vz-z-z-z-z... Vz-z-z-z-z... Vz-z-z-z-z... – разорвалась гудением трубка в руках. Меня аж передернуло.

На экране высветилось фото Игната, а, черт бы его побрал! Напугал как.

Откладываю телефон в сторону.

Не буду отвечать. Пусть хоть обзвонится! Пошел он! И так настроение ни к черту, так зачем его себе еще больше портить, разговаривая с ним.

Неконтролируемые слезы горячими дорожками потекли по щекам. Как бы сильно я себя ни уговаривала, как бы ни ругала Игната, но сердце, глупое сердце, все равно болело от обиды и безысходности, а ведь все только начинается. И завтрашний день, он не за горами. Развод. Суд. Дрожь бежит по телу стайей колких мурашек.

А телефон продолжает звонить. В груди нарастает беспокойство. И Игнат, как будто чувствуя мое состояние, продолжает названивать. Нервы сдают, поднимаю трубку.

– Ну, и дура же ты, – раздается глухое рычание в динамике.

Меня охватывает оторопь от исходящей в голосе мужа угрозы.

– Еще раз из твоего рта в мою сторону прозвучит оскорб-

ление... – сквозь пощипывающую поджилки тревогу делаю попытку ответить грубо, но Игнат меня перебивает.

– И что?! Ты там чего написала, Ксюша?! – с едкой иронией произносит.

– Иди ты... – цежу в трубку.

– Стоять, – рявкает так, что перепонки в ушах завибрировали. – Послушай меня, Ксения, в твоих же интересах сейчас быть со мной на связи...

– ... папа – это мама? – сквозь гулко пульсирующую кровь в ушах слышу голос дочки.

– Кира?! Кирочка?! – бормочу еле слышно. – Как?! Зачем?! Почему Кира у тебя?

Страх сковывает горло, отсюда изо рта льется несвязная речь.

– Да, дорогая. Это мама. Хочешь с ней поговорить?

– Да, – звенит колокольчиком детский ответ.

– Мама за рулем, она нам сама позже позвонит. Да, Ксения?

– Не смей трогать Киру. Она ребенок. Игнат, прошу, оставь ее, – со слезами в голосе прошу мужа.

– Не истери. Ты совсем ненормальная? Кира мне такая же дочь, – на последнем слове сбивается, я же сжимаю трубку с такой силой, что корпус начинает хрустеть. – И да, пусть ты оказалась... – снова молчит, подыскивает, видимо, слова. – Значит, так. Я вот что решил. Пока ты не найдешь нормальное жилье, Кира будет жить со мной.

– Нет! Не делай этого! Игнат! – после его слов, уже не сдерживаясь, кричу в трубку, но оттуда слышны лишь короткие гудки. – Игнат! Игнат!

Продолжаю кричать, не в состоянии перебороть истерику.

Глава 6

Меня отрезвляет громкий продолжительный гудок, раздавшийся сбоку.

Черт! Очнувшись, нажимаю на газ, так как хвост колонны уже далеко уехал вперед. Меня всю трясет. Мысли в голове перемешиваются в фарш, впрочем, то же самое происходит с эмоциями и, чувствами. И стоит мне только подобраться к красным стоп-фарам впереди стоящего меня автомобиля, тут же набираю номер матери.

Родительница берет трубку незамедлительно.

– Доченька. Дочка, я... Ты... Игнат... Боже! Ксюша! Игнат, он...

– Мама, – осаждаю истерический поток несвязной речи. – Я знаю, что Игнат забрал Киру. Он мне только что звонил.

Делаю судорожный вдох. Включаю громкую связь:

– Мам, я не буду заезжать. Сразу поеду домой. За Кирой.

– Ксюша, не надо. Игнат... Я тебя прошу, возвращайся домой. Игнат не в себе. Как бы беда не случилась.

От ее слов у меня на голове волосы зашевелились:

– Что значит не в себе, мама?

Страх сжимает горло.

– Злющий, как зверюга. Но ты не подумай, дочка. Он Кирочку не обижал. С ней был ласковый и добрый. Я не думаю, что он ей причинит вред...

– Мама, хватит! О чем ты говоришь?! Все! Отключаюсь.
Позже позвоню.

Тут же сбрасываю вызов и набираю номер мужа.

Каждый гудок, как будто острый нож по ране, который проходит по одному единственному порезу раз за разом.

Конечно же, я понимаю, что Игнат мучает меня. Делает все специально. Держусь из последних сил, чтобы не сорваться.

– Зачем звонишь? – слышу внезапно грубый голос мужа, когда уже не надеялась на то, что ответит.

– Я еду домой. Предупреди охрану, чтобы впустили меня, – умоляюще надрывно звучит мой голос.

– Ха-ха-ха, смеюсь в голос, – иронизирует Игнат. – Я тебе уже сказал, что в моем доме твоей ноги больше не будет. Ты циничная стерва, сыграла на моих чувствах. Я тебе этого никогда не прощу.

По тому, как меняется тон речи мужа прихожу к выводу о том, что он изрядно пьян.

– Игнат, сколько ты выпил? – следом задаю конкретный вопрос, без всяких прелюдий.

– А тебе-то что? – ухмыляется.

– С тобой моя дочь. И я переживаю за ее безопасность. Ты за рулем! У тебя вообще мозги поплыли?

– Не ори, – рявкает. – Я на такси – это раз, а второе – возвращайся в гостиницу. Ха-ха, можешь даже Аркашке позвонить. Он тебя утешит. Он в этом мастер.

– Ты больной придурок, Игнат, – срываюсь на крик.

– Ой, все. Хватит строить из себя бедную овцу. Не верю. На сегодня хватит концертов. За Киру не беспокойся, она в заботливых, приличных руках. Не то, что у ее матери.

И отключается. Шокированная, я не в состоянии трезво соображать, начинаю хаотично прокручивать в голове разные варианты, кто и как может мне помочь.

Кирочка. Доченька моя. Как же я беспечно поступила, оставив тебя одну? Боже мой! Если бы я только знала, чем это все закончится, то никогда... Никогда бы тебя не оставила одну.

Глотая горькие слезы, набираю номер свекрови. Проходит лишь один гудок, и я, передумав, сбрасываю, тут же набираю Григорию Владимировичу. Свекор трубку берет не сразу:

– Алло, – сухо, по-военному отвечает.

– Григорий Владимирович, – всхлипывая, обращаюсь к мужчине. – Игнат... Он у меня Киру забрал. Он пьян, Григорий Владимирович. Помогите мне. Я боюсь за Киру...

– Гриша, ты с кем разговариваешь?! – слышу отдаленный голос свекрови.

– Лиля, выйди. Мне по работе звонят, – скупно отвечает свекрови мужчина, я же сохраняю полное молчание, даже не дышу.

– Хорошо. А то мне Ксения звонила и сбросила. Что-то у нее там неладное творится. Как бы что не замыслила...

– Лиля?!

– Ухожу. Ухожу...

Глухой звук закрывшейся двери, как разряд тока в легкие. Делаю вдох.

– Ксения, – первым начинает говорить свекор. – Я с тобой сейчас разговариваю лишь потому, что за столько времени ты стала для меня, как родная дочь, но то, как ты поступила с нами... Я не смогу после этого к тебе так же относиться...

– Григорий Владимирович...

– Не перебивай, – осаживает меня грубо, но я не обижаюсь, привыкла к его такой манере общения. – За Киру не волнуйся. Игнат привезет ее к нам. Не знаю, что он задумал, но точно ничего дурного для девочки. Я за этим прослежу. И еще мой тебе совет, Ксения: не испытывай судьбу. Ты ее уже раз испытала. Обман выплыл наружу. Лучше бы тебе с Игнатом по-хорошему договориться. Я знаю своего сына. Он ни перед чем не остановится. И наказать тебя может так, что мало не покажется...

– Григорий Владимирович, – предпринимаю попытку сказать в свою защиту хотя бы пару слов. – Этот тест, он... лживый. Кира – дочь Игната.

Скороговоркой, на одном дыхании, выпалила правду.

Между нами повисает тишина.

– Если это так, то пусть это послужит для Игната хорошим жизненным уроком. Еще раз повторяюсь, за Киру не волнуйся. Она под надежной защитой. Разберитесь с Игнатом между собой, а ребенка не мучайте. Пусть побудет у нас...

– Но, Григорий Владимирович... – зову, а в ответ слышу короткие гудки.

Меня нещадно мутит. Это кошмарный сон. Не иначе. В реальности подобное вряд ли может произойти!

Нет, я это так не оставлю. Включаю поворотник, перестраиваюсь. Если Игнат везет дочку к родителям, значит, и я там должна быть. Мне нужно попасть в крайний правый ряд, чтобы свернуть, но поток такой плотный, что приходится в буквальном смысле подлезть под машину, чтобы не пропустить его. Водитель недовольно сигналил. Моргает фарами. А мне сейчас не до извинений. Жизненно сложная ситуация. Требуется немедленных решений.

Обойдись без жертв, мне, наконец-то, удастся вклиниться в поток машин, движущийся в нужном мне направлении. Нехорошие мысли атакуют мозг, побуждая его горящим возбуждением. И уже когда напряжение становится невыносимым, от безысходности набираю 02.

– Полиция, чем можем помочь, – отвечает почти сразу же мужской голос.

А у меня от переизбытка стрессовых клеток в организме голос пропадает. Открываю несколько раз рот в попытке сказать хоть слово, но все безрезультатно. Не могу ничего сказать. Слова застревают на выходе.

– Алло. Вы меня слышите? Алло!

Не сумев связать и двух слов, сбрасываю вызов, отвлекаясь лишь на мгновение от дороги и, как же сильно пугаюсь,

когда поднимаю глаза, и вижу, как прямо под нос моей машины выскакивает с поднятым вверх жезлом гаишник...

Затормозить?! Нет, конечно, у меня этой мысли даже не возникло. Все произошло так внезапно, что я, как ехала со скоростью семьдесят километров, так и продолжила. Правда недолго. Уже через минуту я услышала сирену, и машину ДПС, которая прижимала меня к обочине слева. Сердце в груди зашлось от страха.

Боже, меня еще ни разу, за то время, что я вожу машину, не останавливали блюстители порядка. Включаю поворотник. Сбрасывая скорость, торможу.

Руки трясутся. В горле застрял ком.

– Гражданочка, – подойдя к машине, стучит по стеклу жезлом инспектор.

Опускаю стекло:

– Извините меня. Я... не ожидала вас увидеть, – признаюсь честно.

– Ну, что же вы так, на дороге нужно быть внимательнее. Документики, пожалуйста, – не спуская с меня изучающего взгляда, просит инспектор.

Беспрекословно выполняю его просьбу. Но заботит меня больше другое, у меня нет опыта в подобных делах. Не знаю, как себя вести и общаться с полицейскими.

– Ксения Михайловна, – взглянув на водительские права, снова обращается ко мне инспектор, не сходя с него взгляда.
– С документами все в порядке, но штрафчик вам выписать

все же придется.

– Штраф?

– Ну, за то, что не остановились по требованию – обойдемся предупреждением, а вот за ремень придется заплатить.

– Блин, – поджимаю губы.

– Андрей! – из машины ДПС выглядывает второй инспектор.

– Иду! – отвечает своему коллеге: – Документики берите, пойдемте.

– Извините, пожалуйста, а можно как-то это дело побыстрее решить? У меня нет времени. Я очень тороплюсь.

Умоляю инспектора, а на глаза наворачиваются слезы. Отчаяние сжимает сердце. У меня на счету каждая минутка. Опаздывать никак нельзя. Если упущу Игната, то не смогу забрать Киру.

– Ладно... – неожиданно инспектор отступает. – Считайте, сегодня вам повезло. Но предупреждение получено. Не забывайте о безопасности. Счастливого пути.

Прикладывает руку к фуражке и я, благодарно улыбаясь в ответ, уже собираюсь уезжать, когда:

– Стоять! – рывкает второй гаишник.

У меня сердце обрывается. Округляю глаза, в которых, наверное, отражается мое шоковое состояние.

– Ты сдурел? Чего так орешь? Напугал. Тут все в порядке....

– Ничего не в порядке, – огрызается мужчина и поворачи-

чивает к инспектору планшет.

– Вот те раз. Поспешил. Поспешил. Что ж вы, Ксения Михайловна, сразу не сказали, что на авто ограничения? Вы знаете, что незаконно пользуетесь транспортным средством?

– Что? Что вы такое говорите? Это моя машина. Вы же видели документы. Страховка... – я не верю своим ушам. – Это ерунда. Мне муж купил машину в автосалоне...

– Ну, заявление на ограничение использованием автомобилем подал тоже ваш муж, – глаза мужчины суровы, голос серьезный.

– Будем оформлять?

– Без вариантов. Ксения Михайловна, выходите из автомобиля, – скомандовал инспектор.

У меня же все тело онемело и, кажется, что еще немного и я сойду с ума.

– Ксения Михайловна! – зовет мужчина, а я двинуться с места не могу, руки- ноги не шевелятся.

Истерика накатывает в тот момент, когда мужчина открывает дверь.

– Гражданочка, – он тянет ко мне руку, а я, вскинув ладони к лицу, прячась от мужчин, разрыдалась в голос.

– Девушка, – тяжелая ладонь ложится мне на плечо. – Может, вам нужна помощь?

В голосе мужчины слышится забота, и от этого мне становится еще хуже. Жальче себя и обиднее за то, что в чужих людях сострадания больше, чем в тех, кого я считала семьей.

– Вас кто-то обидел? – это голос уже второго инспектора.

– Муж... – захлебываюсь слезами.

– Игорец, принеси воды и ... что-нибудь успокоительное...

– Ну, ну. Ксения Михайловна, – похлопывает меня по спине мужчина. – Семейные ссоры – это дело такое...

– Он... он дочку у меня забрал...

Сбиваясь, перебиваю инспектора.

– Я не знаю, что мне делать?! Карточки заблокировал. Оставил без денег и еще машину отобрал, – жалуюсь инспектору, а сама злюсь на себя за слабость и за доверчивость.

– Вот, вода и валерьянка...

– Ксения Михайловна, успокойтесь, – мужчина сует мне в руки бутылку с водой и две таблетки валерьянки.

Запиваю их большим количеством воды. И на какой-то момент мне становится легче.

– У вас и правда все так серьезно?

В голосе инспектора сквозит недоверие. И я его понимаю, такой абсурд сложно воспринять обыкновенному человеку. Как ни странно, но через несколько минут надрывного рыдания, меня вдруг отпускает. А, спустя еще некоторое время, я понимаю, что так подействовала на меня валерьянка.

Подписав все, протоколы, которые нужно, забрав вещи из машины, которую у меня все-таки забрали, я собралась вызвать такси, когда вдруг ко мне поступило неожиданное предложение от инспектора.

– Ксения, садитесь. Мы вас отвезем.

Мужчина смотрел на меня с тревогой во взгляде. Из-за чего мне стало неловко.

– Это лишнее, – делаю несколько шагов в сторону.

– Андрюх?! – слышу из глубины салона раздраженный голос напарника инспектора.

– Ну, что?

– Куда ты лезешь? Опять на задницу приключения найти хочешь? Не надоело?

– Действительно. Не волнуйтесь. Со мной все будет нормально. Вы и так мне помогли.

Давя в себе истерические нотки, растягиваю губы в подобие улыбки.

– Точно?

– Да, я справлюсь, – добавляю в голос твердости.

– Я просто вас чисто по-человечески понимаю, у меня сестра недавно с мужем развелась. Видел, как ей тяжело было...

– Андрей, – я поднимаю руку, чтобы тормознуть поток его слов. – Послушайте. Я не нуждаюсь в жалости. Правда. Хм... Эти слезы, – вытираю с щеки влагу, – просто вода. Скоро высохнут. Спасибо вам за добрые слова. Вашей жене невероятно повезло, что у нее такой заботливый муж...

Из салона слышится ироничный смешок, и инспектор опускает глаза.

– Да уж, повезло... – тут же следует комментарий.

А я вдруг почувствовала такую жгучую обиду в сердце и не только за себя, а за всех обманутых женщин вместе взятых.

– Счастливого пути, инспектор, – касаюсь кончиками пальцев лба и резко дергаю в сторону. – Надеюсь, больше не увидимся.

Круто развернувшись, направилась прочь, но услышать о том, что я зажавшаяся стерва из уст напарника инспектора Андрея, все же успеваю.

Сжимаю пальцы в кулаки, злоба застилает глаза. Хочется в этот миг превратиться в ураган и уничтожить к чертовой матери все на своем пути.

И не только в переносном смысле. Хочется крушить, кричать и плакать.

Хочется с головой окунуться в стихию и забыться.

Даже не помню, как в таком состоянии я добралась до гостиницы. Перед глазами были лишь размытые силуэты и тени. Именно они меня и довели до двери номера, а там меня уже встретила мать.

Помню, что она мне что-то говорила, по крайней мере, пыталась, но я не понимала ее. Я, как раненый зверь, металась по номеру. Все вокруг себя крушила. Уничтожала. Мать цеплялась за меня, пыталась остановить, но в итоге я выдохлась и рухнула на диван. Уткнулась лицом в подушку и закричала. Боль. Обида. Отчаяние. Все это громко, с надрывом рвалось из моей груди и горла. Мне было так плохо, так

больно, что я не знала, куда мне деться от этой боли и тоски. И я кричала. Рвала связки и кричала от всего, что накопилось у меня внутри.

Не знаю, сколько прошло времени. Я потеряла ему счет.

Сжавшись в комок, вымотанная, опустошенная забилась в угол дивана. Я, наверное, задремала или... уснула, но с реальностью точно потеряла связь.

Очнулась от оглушительного стука в дверь.

Ошалело оглядываясь по сторонам, не сразу поняла – за окном ночь или утро. Голова гудела. Губы пересохли. Зрение замыленное, никакой четкой картины перед собой не вижу.

– Мам! – надсадно, через силу, зову мать.

Сама же еле-еле сползаю с дивана, встаю. Ноги ватные, колени дрожат. В голове дурман. Ужас. Прикладываю ладонь ко лбу. Вздрагиваю, так как дверь снова сотрясает оглушительный стук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.